

Демьян Бедный

НЕСОБРУШИМАЯ
уверенность

Г о л и т и з д а т 1943

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

НЕСОКРУШИМАЯ
УВЕРЕННОСТЬ

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1943

НЕСОКРУШИМАЯ УВЕРЕННОСТЬ

НЕСОКРУШИМАЯ УВЕРЕННОСТЬ

1912

В Неве крушился лед весеннею водой.
Прилива свежих сил в себе почуяв соки,
Рабочий класс отважно рвался в бой.
Его морочили, грозя ему бедой,
Поддельные друзья и ложные пророки.
Под стягом Ленина вступала «Правда» в строй,
В ней гневно Сталин молодой
Чеканил пламенные строки.
Его искусная и твердая рука
Не оставляла мест живых во вражьем бреде,
И каждая его чеканная строка
Звала уверенно к сраженьям и — победе!

1942

Мы с «Правдою» прошли тридцатилетний путь.
Враг новый силился ногой нам стать на грудь.
Уж нашей гибели предсказывал он сроки.
Не захлестнула нас, однако, вражья муть:
Мы сберегли свои, не сникшие ничуть,
Неиссякаемых народных сил истоки,
И в «Правде» — перед «днем рождения» как раз —
С волнением сталинский читали мы приказ,
Сурово-строгие, торжественные строки.
Весь мир их прочитал, волнуясь в свой черед.
Страх вызовут они в фашисте-людоеде.
Они внедряют в нас, в бойцов и в весь народ,
Неукротимое стремление — вперед,
Несокрушимую уверенность — в победе.
Не могут не громить врага — в любой нужде,
При временной любой невзгоде —
Народ, уверенный в вожде,
И вождь, уверенный в народе!

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимую тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,
Чтоб пощирал ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

7 ноября 1911 г.

1 9 4 2

В борьбе извечной тьма и свет.
Где — тьма, там гаснет мысль, там ужас озверенья.
Где — свет, там разума и красоты расцвет,
Там гениальные рождаются творенья.
От века не было и нет
У тьмы и света примиренья.

Две силы спор ведут о мировой судьбе.
Культура с варварством столкнулися в борьбе
Досель невиданной, смертельной:

Враг человечества напомнил о себе
Фашистской дикостью и злобой беспредельной.

Он не скрывает, нет, остервенелый враг,
Своих чудовищных, звериных appetitov:
Он превратил бы мир в казарменный барак!
Свирепая мечта взбесившихся бандитов —
Не дымный, ладанный средневековый мрак,
А тьма пещерная эпохи троглодитов.

Кровавым заревом пылает небосвод.
Необозримое сверкает лоно вод
Его зловещим отраженьем.
Весь мир — культурный мир! — встречает новый год
С суровым мужеством, с железным напряженьем.

Родная сторона, ты с варварством в бою.
Жестокий дав отпор фашистскому зверью,
Ты расчищаешь путь культуре, счастью, благу.
Пред миром всем, грома разбойную ватагу,
Раскрыла ты всю мощь народную свою,
Всю беззаветную отвагу!

С какою яростью фашистская змея
Осуществляла план, созревший в людоеде!
Но крепко спаяна советская семья:
Ня на единый миг не дрогнула твоя
Несокрушимая уверенность в победе!

С великим Сталиным, великий мой народ.
Приветом боевым ты встретишь новый год,
Уверенный, что он, свершив свой оборот,
Овеян славою крылатой,
Войдет в историю твою — из рода в род —
Всемирной, праздничной, победоносной датой!

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зеркальная гладь серебристой речушки
В зеленой оправе из ивовых лоз,
Ленивый призыв разомлевшей лягушки,
Мельканье белых и синих стрекоз,
Табун загорелых, шумливых детишек
В сверкании солнечном радужных брызг,
Задорные личики Мишек, Аришек,

И всплески, и смех, и восторженный визг.
У Ваши — льяной, солнцем выжженный волос,
Загар — отойдет разве поздней зимой,
Малец разыгрался, а маменькин голос
Зовет почему-то: — Ванюша-а! Домо-о-ой! —

У мамки — он знает — большая забота,
С хозяйством управься, за всем присмотри, —
У взрослых в деревне и в поле работа
Идет хлопотливо с зари до зари, —
А вечером в роще зальется гармошка
И девичьи будут звенеть голоса.
— Сестре гармонист шибко нравится, Прошка, —
О нем говорят: — комсомолец — краса! —
Но дома — лицо было мамки сурово,
Всё с тятьей о чем-то шепталась она,
Дошло до Ванюши одно только слово,
Ему непонятное слово — «война».
Сестрица роняла то миску, то ложки,
И мать ей за это не стала пенять.
А вечером не было слышно гармошки
И девичьих песен. Чудно. Не понять.

Анюта прощалась утречком с Прошей:
— Героем себя окажи на войне!
Прощай, мой любимый, прощай, мой хороший! —
Прижалась к нему: — впоминай обо мне! —
А тятя сказал: — будь я, парень, моложе...
Хотя — при нужде — молодых упрежу! —
— Я, — Ваня решил, — когда вырасту, тоже
Героем себя на войне окажу! —

Осенняя рябь потемневшей речушки
Уже не манила к себе детворы.
Ушли мужики из деревни «Верхушки»,
Оставив на женщин родные дворы,
А ночью однажды, осипший от воя,
Её разбудил чей-то голос: — беда!
Наш фронт отошел после жаркого боя!
Спасайтесь! Немцы подходят сюда! —

Под утро уже полдеревни горело,
Металась огненным вихрем гроза.
У Ваниной мамки лицо побурело,
У Ани, как угли, сверкали глаза.

В избу вдруг вломилися страшные люди,
В кровь мамку избили, расшибли ей бровь,
Сестрицу щипали, хватали за груди:
— Ты будешь иметь з нами сильный любовь! —

Ванюшу толчками затискали в угол.
Ограбили всё, не оставив зерна.
Ванюша глядел на невиданных пугал
И думал, что это совсем не война,
Что Проще сестрица сказала недаром:
— Героем себя окажи на войне! —
Что тятя ушел не за тем, чтоб пожаром
Деревню сжигать и жестоким ударом
Бить в кровь чью-то мамку в чужой стороне.

Всю зиму в «Верхушках» враги лютовали
Подчистили всё — до гнилых сухарей,
А ранней весною приказом созвали
Всех девушек и молодых матерей.
Злой немец — все звали его офицером —
Сказал им: — ви есть наш рабочая зкот,
Ми всех вас отправим мит зкорым карьером
В Германия наша на сельский работ! —
Ответила Аня: — пусть лучше я сгину
И сердце мое прорастет пусть травой!
До смерти земли я родной не покину:
Отсюда меня не возьмешь ты живой! —
За Анею то же сказали подружки.
Злой немец взъярился: — ах, ви не жалайт
Уехать из ваша несчастный «Верхушки»!
За это зейчас я вас всех застреляйт! —
Прец целым немецким солдатским отрядом
И их офицером с крестом на груди
Стояли одиннадцать девушек рядом.
Простившись с Ванюшкой ласковым взглядом,
Анюта сказала: Ванёк, уходи! —
К ней бросился Ваня и голосом детским
Прикрикнул на немца: — сестрицу не тронь! —
Но голосом хриплым, пропойным, немецким
Злой немец скомандовал: — Фёйер! Огонь! —
Упали, не вскрикнули девушки. Ваня
Упал окровавленный рядом с сестрой.
Злой немец сказал, по-солдатски чеканя:
— У рузких один будет меньше керой! —
Всё было так просто — не выдумать проще:

Средь ночи заплаканный месяц глядел,
Как старые матери, шаткие ющи,
Тайком хоронили в березовой роще
Дитя и одиннадцать девичьих тел.

Бойцы, не забудем деревни «Верхушки»,
Где с жизнью прощаясь, подростки-подружки
Не дрогнули, нет, как был враг ни лют!
Сметая врагов, все советские пушки
В их честь боевой прогрехочут салют!
В их честь выйдет снайпер на подвиг-охоту
И метку отметит — «сто сорок второй»!
Рассказом о них вдохновит свою роту
И ринется в схватку отважный герой!
Герой по-геройски убийцам ответит,
Себя обессмертив на все времена,
И подвиг героя любовно отметит
Родная, великая наша страна!

Но... если — без чести, без стойкости твердой —
Кто плен предпочтет смерти славной и гордой,
Кто долг свой забудет — «борися и мсти!»,
Кого пред немецкой звериной мордой
Начнет лихорадка со страху трясти,
Кто робко опустит дрожащие веки
И шею подставит чужому ярму,
Тот Родиной будет отвержен навеки:
На свет не родиться бы лучше ему!

1942 г.

НАШЕ СЛОВО

*К ноте Народного Комиссара Иностран-
ных Дел товарища В. М. Молотова о по-
всеместных грабежах, разорении населения
и чудовищных зверствах германских властей
на захваченных ими советских террито-
риях.*

Мир слова ждал в ответ на вой безумья злого,
На вопли извергов, грязнящие эфир.
Советская страна сказала это слово,
Сказала властно и сурово,
И, услышав его, культурный вздрогнул мир.

Пред ним разбойная открылась картина:
Телами детскими покрытая земля,
Опустошенная пожарами равнина, —
Злодейств неслыханных обрушилась лавина
На села мирные, на мирные поля.

Дымится кровь, мороз калёный
Не может остудить ее, она — свежа.
Ни мудрой старости, годами убеленной,
Ни резвой юности, в жизнь, в красоту влюбленной,
Не пощадил разгул бандитского ножа.

Так вот оформилось в какое окаянство
Фашистских подлецов безграмотное чванство,
Рожденное в бреду лжемудрецом больным:
—Немецкой расе—власть над миром, всё пространство!
Нет места — расам остальным.
«Сверхчеловек»! Его дыханьем ядовитым
Отравлен выродков немецких пьяный сброд.
Взрывать советские святыни динамитом,
В приюте гения всемирно-знаменитом
Сжигать рабочий стол и валамывать комод,
Всё, всё дозволено немецким сверхбандитам;
Они — «сверхлюди», «сверхнарод»!

Культ человечности свинным засыпан сором
Под злое хрюканье тупых расистских рыл.
Повальным грабежом, разнузданным разором
Путь отмечая свой, поистине, позором
Сверхчеловеческим фашизм себя покрыл.

В коробке черепной фашизма пустозвонной
Такая мысль была — она пошла ко дну:
Напав на нас врасплох ордой многомиллионной,
Топча копытами живую целину,
Дым едкий распластав над порослью зеленой,
В молниеносный срок пустынной сделать зоной
Необозримую Советскую страну.

Но просчитались фашистские пророки,
Пришлось им удлинять назначенные сроки,
Покамест мстительный не встал пред ними Рок.
Их, напоровшихся на тяжкие уроки,
Ждет заключительный урок.

На исторический они пошли экзамен,
Они, матрикул чей так бескультурно гол!
Но, мейне геррен, мейне дамен,
Вам всем оценку даст — судебный протокол.
Рука истории под ним напишет «амен!»
И в ваш могильный холм вонзят железный кол!

1942 г.

ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

Мы узнаем врага по следу:
Опустошенные места.
Что все законы людоеду?
Он хищно празднует победу
Над флагом... Красного креста.

Он..разбомбит, не дрогнув бровью,
Больничный транспорт, лазарет.
Окрашен бешеною кровью
Его фашистский буйный бред.

Но не далёк — мы твердо верим! —
День беспощадного суда,
Когда мы с лютым этим зверем
Покончим раз и навсегда!

1912 г.

РАЗ И НАВСЕГДА!

Ядро *Истории* живой — народы, классы, —
Культурный рост людей, прогресс — ее герой,
Однако, лик ее приобретал порой
Черты уродливой гримасы.

Жизнь человечества была омрачена
Не только лишь одной мифической Голгофой:
В бореньи с варварством бывали времена,
Когда, казалось, народы, племена
Перед последнею стояли катастрофой.

Но — снова брезжил свет, и уходили в мрак
Мерзейших извергов кровавые фигуры,
И провозвестником культурно-новых благ
Победоносно реял флаг
Стран, защищающих очаг родной культуры!

Фашисты думали в дни первые войны,
Что будем мы устрашены
Их бивней варварских оскалиною ржавой.

Мы проучили их ударом вдоль спины
И рукавицею «погладили» шершавой!

Еще опасен враг. Но мы убеждены:
Бит был он — под Москвой,
Бит будет — за Варшавой.
Недаром, боевой решимости полны,
Демократических, великих две страны
Скрепили свой союз с Советскою Державой!

Фашистам не уйти от грозного суда:
Мы уничтожим их, бандитов «высшей расы»,
Всю нечисть подлую змеинного гнезда,
Чтоб у *Истории* уж больше никогда
Не искажался лик от варварской гримасы!

1942 г.

ПРОСЧИТАЛИСЯ!

Покорна гитлеровской воле,
На нас — развратна и пьяна —
Пошла фашистская шпана:
— Война недели три, не боле! —
Иного не было в уме.
Ан воевать пришлось подоле.
Мы встали все на бранном поле
Грозой коричневой чуме.
Уж время близится к зиме,
Свежеют ночи всё приметней.
Фашисты корчатся во тьме,
Их дрожь берет в одежде летней.
Они заранее уже
Спасенья ищут в грабеже,
Зломародерские их шайки
С людей сдирают всё — фуфайки,
Штаны, жакеты и пальто,
Годится всё для этой голи.
— Война недели три, не боле! —
Ан оказалось не то,
Не то, чего фашисты ждали.
Не то получится и дале:
Зимой, припомнив старину,
Мы ей покажем, рваной швали,
«Молниеносную войну!»

1941 г.

УТРО ПОД МОСКВОЙ

В небесах бои ночные
Красных ратников,
Это соколы стальные
Бьют стервятников.

*

Из боев не все бандиты
Возвращаются —
«Мессершмитты» в *мусоршмитты*
Превращаются.

*

Под Москвою утром галка
Удивляется:
Что ни ночь, то *мессерсвалка*
Прибавляется.
1941 г.

ПРИВЕТ ПОБЕДИТЕЛЯМ

Краснофлотцам-балтийцам.

Эх, кабы да мне годочков поскостить,
Прилетел бы я к балтийцам не гостить,
А с героями участвовать в бою
За отчизну за советскую свою!
Я фашистские подлодки бы кромсал,
В них бы бомбы я глубинные бросал
Да глядел на пятна жирные:
Там внизу — фашисты мирные,
То бишь трупы уж холодные,
Упокойнички подводные,
Жертвы гитлеровской машии —
Подчинить весь мир Германии!

Ходит Гитлер, ходит Гитлер сам не свой,
Он трясет своей дурацкой головой,
Ногти-когти он с досадою грызет.
До чего ж ему с десантом не везет!
— Что мне делать? Что мне делать, ох, мейн готт! —
Огорчил его Балтийский красный флот.

Огорченье подытожено:
Два эсминца уничтожено,
С войском транспорты — сверх дюжины! —
На воде не обнаружены,
Да баржа исчезла с танками
И с фашистскими останками,

Столько ж транспортов пылает над водой.
Результатец получился не худой!
Краснофлотцы повторить его непрочь.
За врагом они следят и день и ночь.
Им, героям сокрушительных побед,
Мой любовный, мой восторженный привет!

1941 г.

С Ч А С Т Л И В Ы Е

Есть счастливый отец:
Его сын — молодой и бесстрашный боец,
Лицевой образец
Своего поколенья.
Есть счастливая мать:
Любо ей — вместе с мужем своим — принимать
От друзей поздравленья:
Сын ее под счастливой звездой рожден,
«Красным Знаменем» он награжден!
Он недаром сознательным был комсомольцем,
Он явился на флот добровольцем,
Савлучинский Георгий, а попросту — Жорж.
Как настала война и снарядные ливни,
В первых схватках с врагом, он свирепый, как морж,
Показал свою смелость и крепкие бивни,
Краснофлотец, омытый морской водой,
Савлучинский Георгий, боец молодой!

...Ночь. Вблизи, в темноте, притаился злой враг.
Островок пограничный при устье реки
Охраняют, ловя каждый всплеск, каждый шорох,
Пограничники красные и моряки.
Пни ли схожи с людьми, люди ль кажутся пнями,
Не видать. Непроглядная темень кругом.
Правый, вражеский, берег вдруг вспыхнул огнями.
Гром палбы. Островок атакован врагом.
Начинает светать. Тьма редет ночная.
К островку направляются вражьи суда.

На советской заставе не видно, куда
Устремилась прикрито десантная стая,
Но застава бьет метко, не видя, но зная,
Где враги: с нашей вышки со сторожевой
Ей сигнальщик наш зоркий прицел просигналил,
В каком месте противник причалил.
Это — Жорж. У него глазомер боевой.
Враг заметил его. Вышка сделалась адом,
На нее пули сыплются градом.
Превратился сигнальщик в живую мишень.
Враг палит по мишени все утро, весь день
И всю ночь. Но бесстрашного пуля не валит:
Враг — палит, а сигнальщик — сигналил:
«У-ди-ра-ют, со-ба-ки!.. Огонь по хвосту!..
Опрокинулись!.. Выпали все из посудки!..»
Наш сигнальщик, не дрогнув, стоял на посту
Под жестоким обстрелом без малого сутки,
Выполняя геройски пред родиной свой
Долг сыновний, священный наш долг боевой!
Всех героев своих чтит страна победителей,
В честь их — песня поэта, и бронза, и медь.
Поздравляют друзья Савлучинских — родителей.
Я — среди поздравителей.
Счастье сына такого иметь!

1941 г.

НАРОДНАЯ СИЛА

Неслись вдоль полянки
Немецкие танки.
Им пушка за горкой была не видна.
Была эта пушка советской чеканки.
Их — тридцать, она —
Одна.

Громила танки она знаменито:
И в хвост, и в гриву — и в тыл, и в фасад.
Четырнадцать танков было разбито,
Шестнадцать — подрали назад.

Вот это работа была, так работа!
А сила — с виду — была не равна:
Немецких танков — сбиться со счета,
Их — тридцать, она —
Одна.

Одна расправилась с танковой бандой,
Потому что была грозной силой сильна:
Семь отважных бойцов было с ней под командой
Лейтенанта Ильи Шуклина.

Восьмерка героев с пушкой за горкой —
А немцев взяла в какой оборот!
Потому что за этой героической восьмеркой
Стоял могучий советский народ!

1942 г.

ГОРДОСТЬ КОМСОМОЛА

В бензиновый бак вогнал снаряд фашист проклятый.
Бомбардировщик наш, весь пламенем обвятый,

Его геройский экипаж

Направил, совершив предсмертный свой вираж,
На вражий эшелон автоцистерн с горючим.

Взрыв. Вопли. Бомбовый обрушен метко груз,
Фашистским гадинам очковым, злогремучим,
Утехой было бы: погиб и страшный «рус»!

Но вихревым толчком могучим

— Фашистской сволочи на зло —

Горящий самолет в тыл вражий отнесло.

Из четырех бойцов в живых остались трое.

Со скорбью о своем товарище-герое

Они сквозь вражий фронт пробились в свой отряд.

Глаза их молодой отвагой горят.

Бойцы, выдавшие уж смерть перед собою,

С отвагой прежней рвутся к бою!

Юнцы, давно ли вы оторваны от школ?

Но уж венчает вас бессмертья ореол!

Любовь к вам всей страны не выразить словами!

Приветствуя своих птенцов, гордится вами

Вас воспитавший комсомол!

1942 г.

ПОТОМСТВЕННЫЕ ПАЛАЧИ

Семивековый миновал срок

С лихой поры, когда впервые

Злой обозначил свой росток

Немецкий «натиск на восток».

Да, в годы самые крутые

Для наших предков — при Батые! —

Грозя ярмом славянской вое,

Свой меч швырнули на весы
Немецко-рыцарские псы.

Но псы свой лай свирепый, дикий
Сменили жалким голоском,
Подравши лесом и песком,
Когда их Новгород Великий
Разбил под громовые клики
На славном озере Чудском.
Урок им страшный был показан,
Чесали рыцари бока.
Путь на восток им был заказан
Не на год, на два, — на века!

Есть в немцах злое постоянство:
Не убывая, окаянство
Их предков в жилах их текло.
К себе «восточное пространство»
Еще сильнее их влекло!
И вот — под черным флагом прусским —
Вновь немцы ринулись в поход.
Их вековую злобу к русским
Раскрыл «четырнадцатый год».
И всё ж, с двойной борясь напастью,
И с немцами, и с царской властью,
Врагов осилил наш народ.
Как ни ярился зверь немецкий,
Сорвать пытаясь флаг советский,
Но в восемнадцатом году
Он напоролся на беду
И, вспоминая Украину,
Заллизывал бока и спину.
Но цель имел все ту ж в виду:
— Вот только дух переведу!..

Набравшись силы вновь и духу,
Неся грабеж, разбой, разруху,
Остервенев, немецкий зверь
Вломился снова в нашу дверь.
Обрушив смрадную лавину
На заградительный кордон,
Враг вновь проник на Украину,
Прорвался бешено за Дон.
Весь вековым насыщен гноем
Его грабительский поток.
Всегда открытым был разбоем

Немецкий «натиск на восток».
Он неизменно оставался
Немецким кличем боевым.
Но нами тож не забывался
Наш древний клич: «Кто к нам ворвался,
Тот не уйдет от нас живым!»

Враги подлейшие пред нами,
Их культ: «Убей и завладей!»
Они с людскими именами,
Но счесть нельзя их за людей.
Их совести не растревожить,
Мозгов их мыслью не пробить.
Мерзавцев надо уничтожить!
Бандитов надо истребить!
Бей немцев крепче, бей сильнее,
Бей на лету и на ходу,
Чтоб их судьба постигла злее,
Чем в восемнадцатом году.

1942 г.

ПОМЯНЕМ, БРАТЬЯ, СТАРИНУ!

О поле, поле Куликово,
Врага ты видело какого!
Здесь бились русские полки,
И пахари, и рыбаки,
Удары грудью принимая,
Они свершили свой обет:
Им показала свой хребет
Орда свирепого Мамаю!

Враг новый рыщет на Дону.
Помянем, братья, старину,
Почтим и прадедов и дедов,
Ударим так, чтоб никогда
Уж не воспрянула орда
Осатанелых людоедов!

1942 г.

О Г О Н Ы

Враг на пути, ему знакомом:
В Ростов уже вбивал он клин.
Тогда фашистский первый блин
Весьма крутым свернулся комом:

Враг был отпощеван — разгромом!
Донцы, шахтеры, казаки,
Красноармейские полки,
При вашем яростном отпоре
Пусть будет так — врагу на горе —
Донская печь раскалена,
Чтоб вражья лопнула спина,
Чтоб почернели вражьи хари,
Чтоб от повторного блина
Зарвавшейся фашистской твари
Остался только запах гари,
Чтоб враг наш видел смерть одну
За каждым кустиком и горкой,
Чтоб стало вечной поговоркой:
«Погиб, как немец на Дону!»

1942 г.

НА НАС ИСТОРИЯ ГЛЯДИТ

*Князь нача ездя молвити: братие моя милая
Руси... потянете за одно сердце!**

Поли. србр. русских летописей, т. 2, стр. 209.

Фашисты ищут нашей смерти.
В боях за родину свою,
Бойцы, деритесь, как черти,
Всем немцам мерой их отмерьте:
В костер фашистскую змею!
Для каждой злой немецкой хари
Ответ один: — Руби! Дави! —
Пусть захлебнутся эти твари
Не в нашей — в собственной крови!
По боевому слышно кличу:
Гадюка дышит тяжело.
На непосильную добычу
Она распялила хайло!
Вчера она хлебнула «пробу»:
Мы дали гадине по зубу.
Ей надо вышибить клыки,
Разворотить ей всю утробу
И раздробить все позвонки!
Мы победим, сомненья нету!
Но помнить надобно примету,

* П о т я г н у т и — устремиться ревностно на врага.

Она, как наш народ, стара
И по-народному мудра:
Враги бывают — те же звери,
Бьют их не трусы, не тетери,
А храбрецы: с врагом в бою
Они не ищут задней двери,
А защищают честь свою,
Свой дом, родимую семью.
«Есть в жизни разные потери:
Потеря денег — ерунда,
Потеря — нынче, завтра — прибыль, —
Потери времени — беда,
Потеря мужества — гибель!»
Таков — потомкам добрым впрок —
Народной мудрости урок.
Творя слезливые заклатья,
Трус лезет смерти сам в объятия,
Когда, дрожа, в кустах сидит.
Героя — смерть сама щадит.
«Потягнем мужественно, братья!»
На нас История глядит!

1942 г.

БОЕВОЙ ЗАРОК

Лик этот скорбный, слезы эти
И обездоленные дети,
Врагом сожженный дом родной,
От обгорелого порога
Одна осталась дорога —
Искать норы в глуши лесной,
Покинув прах отцов и дедов.
Таков, Россия, жребий твой
В мечтах немецких людоедов!
Но — в испытаньях ты тверда.
Уже не раз, не два чужая
Остервенелая орда
Шла на тебя, уничтожая
Твои деревни, города.
Но на кровавых именных
Умела ты принять гостей:
О, сколько на твоих равнинах
Истлело вражеских костей!
Ты отстоять себя сумела,
И слава о тебе гремела:

«Все, кто искал на Русь пути,
Ее природу знали скудно:
В Россию вторгнуться — нетрудно,
Трудней — назад живым уйти!»

Уроки прошлого не учат
Ослов: таков ослиный рок.
Им нужен новый, свой урок.
Так пусть они его получают!
Бойцы, дадим святой зарок:
— Разбить врага — в ближайший срок!

1942 г.

В ПЕРЕД — К ПОБЕДАМ!

О русской, о своей родной стране —
О реках, о лесах, горах, долинах,
И о себе самом, о русской старине
Народ повествовал в торжественных былинах.
Мы любим слушать их, в них узнавать черты
Свои — наследственно-живые, коренные.
Великих предков мы наследники родные,
А не убогого народа сироты.
Да, наши прадеды — крутые, нутряные —
Шли с мудрым мужеством, а не разиня рта,
К величью родины, к могуществу и славе!

Нам любо представлять на боевой заставе
Былинных, доблестных своих богатырей,
Защитников родных святынь и алтарей
И жизни своего народа.
Застава их жила на древне-русский лад:
Был человечностью овеян весь уклад
Их боевого обихода.
От врагов своей святой, родной земли
Они отчизну берегли,
Врага-нахвалящика они встречали боем,
Но совести своей — и этим Русь горда! —
Кровавым грабежом, насильем и разбоем
Не осквернили никогда.
Душевной красотой их мужество блистало.
— Грех, — Муромец Илья, свершая подвиг свой,
Говаривал не раз, бывало,
Своей дружине боевой, —
Грех обижать дитя, глумиться над вдовой.
Нам это дело не пристало. —

Недаром же Илья, могучный и простой,
В борьбе за родину боец непобедимый,
Народом чтился всем, как богатырь любимый
И как подвижник наш святой!
Когда бы в наши дни он мог ожить на время
И немцев увидеть, весь лютый их разбой,
Он строго б нам сказал: —я вижу пред собой
Не Змей-Горыныча ль промерзостное племя?!
Змей этот, как они, жен и детей крошил
И упивался кровью пленных.
Крушите ж правнуков Горыныча растленных,
Как я их прадеда крушил'

* * *

Не блажь случайная, не мода,
У немцев повелось все это искони:
На предках на своих помещаны они,
Но были предки их совсем иного рода.
Их нрав звериный в наши дни
Сказался в правнуках, орущих: — выше чаши!
Кровь пленных пили предки наши.
Кровь русских нам сладка, мы рвались к ней давно!
Кровь русских горячит нас, немцев, как вино! —

Фашисты кончатся. На дно
Пойдет Империя их третья.
Пройдут века, тысячелетья.
Но будут с ужасом потомки отмечать
Германцев нынешних с фашистской их отравой.
Нет, каннибальская печать
Не смоеся вовек с их памяти кровавой!
Мы называем их зверьем,
Но зверь на пиршестве своем
Средь окровавленных объедков
Не вспоминает древних предков,
Не хвалится своим родством
Со сверхзвериным божеством,
Как нынче хвалятся с безумным торжеством,
Точа живую кровь из человеческой груди,
Преображенные фашизмом в сверхзверей
Остервенелые немецкие «сверхлюди!»

Свирепый облик дикарей,
Свисающая с плеч мохнатых волчья шкура...

Какая в образец возводится фигура!
Под свист фашистского бича,
Оскаливши клыки, озлобленно-понура,
На нас идет, хрипя, и воя, и рыча,
Звероподобная фашистская «культура»!
Так пусть ей будет горяча
Не наша кровь, а наша встреча!
Пусть будет для нее смертельной злая сеча:
Рубить ей голову с плеча!

Немецкая орда, принявшая наследство
От диких предков — людоедство,
Страна, сошедшая с культурного пути,
Звериному предавшись кровопийству,
Стремится к своему *самоубийству*.
Бойцы, поможем ей скорей к нему дойти!
Смерть кровопийцам-людоедам!
Пусть будет грозной наша месть!
*За нашу родину, за нашу жизнь и честь,
Богатыри, вперед — к победам!*

1942 г.

СЕМЕН НОМОКОНОВ

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой.
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и фин, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.*

А. С. Пушкин

Словом Пушкина гордо и благоговейно
Эту повесть начнем. Мы живем в полосе,
Им предсказанной. Русский с тунгусом, мы все,
Все живем братски-родственно, односемейно, —

От врагов, своим нравом подобных зверью,
Обнаживших свою волчью, грязную шкуру,
Мы с отвагою равной в смертельном бою
Защищаем совместно отчизну свою,
Нашу жизнь и великую нашу культуру,
Просветившую самый далекий улус,
Укрепив его силой советских законов.
Повесть эта — ответ, оскорбляющий «вкус»
Псов, держащихся подлых расистских канонов.
В ней герой — для фашистов опаснейший «рус»,
Этот доблестный «рус» — друг и брат наш тунгус,
Знаменитый наш снайпер Семен Номоконов.

Номоконов! Не раз мы читали о нем,
Как проклятых фашистов разит он огнем.
При удаче тихонько под нос промурлыча:
— Есть добыча! —

И на палочке — снайперский «счетчик» такой —
Сделав быстро зарубку привычной рукой,
Он опять терпеливо, упорно, часами
По-охотничьи зоркими шарит глазами,
Проверяет все кустики, кочки и рвы.

Треск сучка, шелест листьев, движение травы
Ловит он настороженным слухом и взглядом.
Хитрый немец себя чем и как ни накрой,
Хоть травой, хоть листвою, хоть древесной корой,
Хоть каким ни на есть хитроумным нарядом,
Как бы он на немецкий свой лад ни постиг
Маскировку, он выдаст себя хоть на миг
И себя мигом этим погубит.

— Есть добыча! — мурлыкнет наш снайпер-герой
И на палочке новую метку зарубит:
Триста двадцать второй!
А затем, сделав эту зарубку,
Засосет — что поделаты! — холодную трубку
И начнет гневно думать о подлом враге
И следить: эвон там колыхнулись ветки.
— Есть добыча!.. Удачный денек: три отметки! —
Нет, недаром он вырос в суровой тайге,
Где на зверя ходили стрелки, его предки,
Где он сам научился бить белку зараз,
Одним выстрелом в левый, как принято, глаз,
Чтобы мех был непорченным, ценным, продажным,
Где гонял он медведя, где слыл он отважным
Звероловом средь самых отважных стрелков,
Звероловов-тунгусов своих земляков.

Насмерть бьет немчуру его меткая пуля.
По-охотничьи зорко свой край карауля,
С рубежа не сойдет он, не сбивши врага
И не вынувши «счетчика» из сапога.

— Есть добыча!... Ползла, может, тварь на разведку.
Зарублю-ка на палочке эту отметку.
Как вот с новыми быть? Всех попробуй вместе.
Новый «счетчик» придется для них завести! —

1942 г.

ЛЕГЕНДЫ СЛОЖАТСЯ О НЕМ!

Он пал. Но честь его — жива.
Герою высшая награда —
Под именем его — слова:
Он был защитник Сталинграда!

В разгаре танковых атак
Пал краснофлотец Паникак.
Им — до последнего патрона —
Держалась крепко оборона.
Но не подстать морской братве
Врагу показывать затылки.
Уж нет гранат. Остались две
С горючей жидкостью бутылки.
Герой-боец схватил одну:
— В передний танк ее метну! —
Исполненный отваги пылкой,
Стоял он с поднятой бутылкой:
— Раз, два... Не промахнусь, небось!
Вдруг пулей в этот миг насквозь
Бутылку с жидкостью пробил!

Героя пламя охватило,
Но, ставши факелом живым,
Не пал он духом боевым,
Не дрогнул волею могучей:
С презреньем к боли острой, жгучей,
На вражий танк боец-герой
С бутылкой бросился второй.
Удар! Огоны! Клуб дыма черный!
Огнем охвачен люк моторный.
В горящем танке дикий вой:
Команда взвыла и водитель.

Пал, совершивши подвиг свой,
Наш краснофлотец боевой.
Но пал, как гордый победитель!
Чтоб пламя сбить на рукаве,
Груди, плечах, на голове,
Горящий факел, воин-мститель,
Не стал кататься по траве,
Искать спасения в болотце:
Он сжег врага своим огнем!
*Легенды сложатся о нем,
Бессмертном нашем краснофлотце!*

ПОБЕДА

Народная сказка

Жил да был на белом свете,
На прекраснейшей планете,
Молодой петушок,
Золотой гребешок.
Перья красные на нем
Цветом спорили с огнем.
На приволье,
На раздолье
Рос и креп он с каждым днем.
Его росту и красе
Удивлялись люди все:
— Вырос, глянь, какой петух!
— Ух, ты! — Ух! —
Удивлялись люди вслух.

Но негаданно, неожиданно,
Самовольно, самозванно,
Словно злой, нечистый дух,
Вдруг петух явился черный,
Голос дикий, нрав задорный.
Стал он с красным воевать,
Стал он красного клевать.
Красный бьется,
Не сдается,
Наседает в свой черед
Замечательно.
Только черный верх берет:
— Заклюю тебя, — орет, —
Окончательно!
Жить на свете — знай ты, хам, —
Только черным петухам,
Всем же прочим — карачун! —
Черный так орал драчун.

Глядь, а красный в эту пору,
Сил набравшись для отпору,
У врага от гребешка
Не оставил корешка, —
В ход пустив стальную шпору,
Рассудительно, без орудия,
Он задире вышиб глаз,
Оглушил его в два счета

И по черепу с налета
Стал долбить злодея — раз!
Раз! — Раз! — Раз! — Раз!

Тут и весь, ребята, сказ.
Вот как дело вышло чисто.
Победитель голосисто
На своем родном току
Всем — соседу, не соседу —
Про свою борьбу-победу
Возвестил: ку-ка-ре-ку-у-у-у!

Сказ простой. Чай, всем понятно,
Что скрывается под ним?
Поучительно. Занятно.
Самому читать приятно,
А не только вам одним!

1941 г.

ГРОЗОВОЕ ПРЕДВЕСТИЕ

Таков фашистский мрачный фатум:
Во славу фюрера-балды
За отклоненный ультиматум
Пожать кровавые плоды.

Фашистам не дано отсрочки,
И сталинградские цветочки
Им предвещают там и тут,
Какие ягодки их ждут!

Январь 1943 г.

НЕИЗБЕЖНОЕ

Глуша фашистский брех бравурный,
Москву включивши в аппарат,
Благоговейно мир культурный
Внимает слову — **ЛЕНИНГРАД.**

Уж сроки — верят все — недолги.
Вновь прозвучат слова Москвы:
— С врагом стряслося у Невы
То, что стряслося с ним — у Волги!

Январь 1943 г.

С Л А В А!

Есть символика в природе,
В пышном солнечном восходе,
Прочь гонящем темноту,
Есть символика в народе,
В трудовом его быту.
В историческом сияньи
Боевых его годов, —
Есть символика в названьи
Русских рек и городов.

Над великою Москвою,
Над святыней мировой,
Звезды вечности горят,
И над Волгой и Невою
Блещут славой боевою
С младшим братом старший брат —
Сталинград и Ленинград.

Ленинград со Сталинградом,
Обменявшись братским взглядом,
Завершают подвиг свой.
Сколько силы, воли твёрдой
В их уверенной и гордой
Переключке боевой,
В их геройстве безграничном,
В пслыханьи их знамен,
*В сочетаньи символичном
Их сверкающих имён!*

На врага победным строем,
Расправляясь с подлым сбродом,
Наступает фронт стальной.
*Слава воинам-героям!
Слава братским всем народам!
Слава всей стране родной!*
Январь 1913 г.

ПРЕД МИРОМ ЗАСВЕРКАЛ...

Рычат, и щерятся, и пятятся враги
Пред мощным натиском с востока.
Им ясно слышатся железные шаги
Их наступающего рока.

Преступнейший маньяк сулил им навсегда
Отдать наш край родной и нашу жизнь в награду.
С какою лютостью разбойная орда
Рвалася к Волге, к Сталинграду!

Фашистских выродков, вошедших в буйный раж,
Зверей, охваченных грабительским угаром,
Манил слепивший их мираж —
Решить борьбу одним ударом.

Но волжский богатырь, как грозная скала,
Стоял, громя врагов, кромсая их тела,
Круша их технику, выматывая силу.

*Здесь вражья наглость обрела
Свою позорную могилу!*

Нет, не на вражьей стороне
Возникли образцы для новых поколений:

В народе кованной броне
*Пред миром засверкал — в боях, в громах, в огне —
Наш стратегический победоносный Геній!*

Враг отбивается, встать слясь на дыбы,
Но Сталинград уже предрек исход борьбы,
Событий мировых став вехою рубежной.
*Фашистам не спастись от ждущей их судьбы,
Заслуженной и неизбежной!*

28 января 1943 г.

НАРОДНОЕ МУЖЕСТВО

Мир не видал таких осад,
Какой был осажден могучий Сталинград.
Уж полчищ вражеских несчетные бойницы
Приблизились почти до волжских берегов,
Но город-богатырь, разгладив рукавицы,
Обрушил свой кулак на головы врагов,
И вот у вражьих тел, застывших средь снегов,
Замёрзшие глаза расклеивают птицы!

Не так ли русскому Илье-богатырю,
Чьей доблести пример нам особливо дорог,

— Я белу грудь твою вспорю! —
В тягчайший час борьбы грозился лютый враг?

Но богатырская рука была туга:
Илья ударом в грудь дух вышиб из врага

И, мстя нахвальщику, исполнен гневной страсти,
Труп разметал его на части!

Как много говорит народный этот сказ!
В нём есть пророчество, в былинном сказе этом:
Да, нашей Родине пришлось врагов не раз
Подобным потчевать ответом!

Не раз вторгались к нам враги со всех сторон,
Но, отражая их вторжение,
Мы не склоняли, нет, простреленных знамён
И, как завет былых времён,
Всю мощь собрав, несли врагу — уничтоженьё!

Так, силясь обратить в пустырь
Цветущий Сталинград, злой враг удары множил.
Но мести час приспел, и волжский богатырь
Всю вражью нечисть уничтожил!

Победу, равную какой не видел свет,
Встречает наш народ восторженным приветом:
Среди блистательных побед
Она отмечена своим, особым, светом:

В ней — прошлого итог и образец — векам.
В ней — нашей доблести высокой утвержденье,
В ней — гробовой удар по вражеским полкам
В ней — плана вражьего крушенье,
В ней — будущим, еще не явленным, врагам
Суровое предупрежденье.

*Непобедима та страна, борьбу ведя
Под солнцем славы незаходным,
Где гениальный план вождя
Пронизан мужеством народным!*

1942 г.

БОЕВОЙ ПРИЗЫВ

О русской женщине любовные слова
Волной разносятся эфирной, —
Все, что поет о ней и говорит Москва,
Легендой сделалось всемирной.

Она — отважна и быстра,
Помочь родным бойцам повсюду поспевая,
Она и снайпер, и сестра,
И сандружинница на фронте боевая.

В тылу таких заводов нет,
— Немыслимо представить даже! —
Где б не мелькал ее платок, или берет,
Или шугай, давно свой потерявший цвет,
Насквозь промасленный, весь в копоти и в саже, —

Она у молота, токарного станка,
В прохладной сборочной и в пламенной литейной,
И гордо хвалится почетная доска
Работою ее первостатейной!

В колхозе на ее плечах
Неизмеримая, гигантская работа.
Болненье жаркое горит в ее очах
И неустанная отражена забота.

В колхозных сотах нет, куда ни загляни,
Ячейки, где б она свой вклад не привносила, —
Здесь в боевые наши дни
Она — решающая сила!

В дни эти грозные, средь тяжестей войны,
О сестры наши и подруги,
Вы показали, как и духом вы сильны
И волею сталиеупруги.
Народом, всей родной страной оценены
И доблесть ваша и заслуги!

Враг, рвавшийся на юг на наш и на восток,
Он получил от нас убийственный урок.
Мы поработали — и тыл, и фронт — не даром!
Но враг еще силен, упорен и жесток,
И должен, сестры, стать ваш трудовой поток
Еще полней, сильнее, чтоб в надлежащий срок
Нам повалить врага решительным ударом!

Пусть новых подвигов могучая волна
Обрушит на врага ваш гнев неукротимый!
Вас к этому зовет родная вся страна,
Зовет наш фронт и — Вождь любимый!

8 марта 1943 г.

БАНДИТЫ

РЯЖЕНЫЙ БАНДИТ

Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов.

И если эти оголтелые империалисты и злейшие реакционеры все еще продолжают рядиться в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делают для того, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть флагом «национализма» и «социализма» свою разбойничью империалистическую сущность.

Вороны, рядящиеся в павлиньи перья... Но как бы вороны ни рядились в павлиньи перья, они не перестанут быть воронами.

Из доклада товарища Сталина на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1941 года.

Платье, грим, татуировка,
Маскировка,
Ветка, бант...
Уголовная сноровка,
Специфический талант.
Поза! Экое величие!
Лишь венка недостает.
Но... бандитское обличье
Людоеда выдает.
За свободу, за культуру
Бой ведя — рука тверда! —
Эту полную фигуру
Мы угробим навсегда!

ФАШИСТСКИЙ «КРАСАВЕЦ»

Что ни карман, то кладовая
Вещей награбленных — рубак,
Чулок, часов... Какой размах!
Тип! Иллюстрация живая
В наш уголовный альманах!

Хотя прикрыты черной каской
Его бандитские глаза,
Он видит всё. Крадет с опаской:
Вдруг — партизанская гроза!

Но подлеца гроза не минет,
Когда фашистскую змею
Страна Советов опрокинет
И на ее гнездовье двинет
Всю силу гневную свою!

**ПРИЛЕТЕЛА ВОРОНА ИЗДАЛЕКА —
КАКОВА ПТИЦА, ТАКОВА ЕЙ И ВСТРЕЧА**

Смотрят наши: — Гитлер! Вова!
— Что за шут!

С неба падает корона —
Парашют!

— Уцепился за корону
Гитлер-пёс.

— Вон какую к нам ворону
Чорт принес!

Ошарашенного гада
Жуть берет.

— Ай, не нада! Ай, не нада! —
Он орет.

В страхе бельма гад тарашит:
— Ой, беда!

Ой, меня корона ташит
Не туда!

Как убрать мне ноги, плечи
И живот?

Не такой желал я встречи,
Либер готт!

Дайте место, где я сяду
Без помех! —

Но в ответ раздался гаду
Грозный смех:

— Опускайся, медлить неча!
Дело — гут:

Где ни сядешь, будет встреча,
Как и тут!

— Погляди кругом, ворона:
Всё полки.

— Опускайся, вместо трона,
На штыки!

1911 г.

СЧАСТЛИВЫЙ БЕНИТО

С фронта русского Бенито
Шлет невесте письмецо.
Он воюет знаменито.
Результаты — налицо.

— Что за люди, миа Бьянка,
В этой чортовой стране:
Здесь крестьянин и крестьянка —
Партизан иль партизанка, —
Все участвуют в войне!

Надо быть всегда на страже:
Люди скрытны и хитры,
Здесь приходится нам даже
Опасаться детворы.

Случай был — один из многих:
Пред избушкою одной
Три подростка босоногих
В пляс пустились озорной.

Мы смеялись, чужестранцы —
Немцы, венгры, итальянцы,
Ухватившись за бока.
Есть ли где на свете танцы
Удалее гопака?!

Но когда мы все, солдаты,
Закричали: — Молодцы! —
Полетели в нас гранаты!
Вот они какие хваты,
Украинские мальцы!

Грохот, вопли, стоны, охи...
Той порой мальчишки — фиты!
«Плясунов» среди суматохи
Было некому ловить.

Три советских пионера
Нам сплясали мастерски:
От красавца офицера
Лишь остались куски,

Десять с ним солдат убито,
Вдвое — раненых, среди них
Я, удачливый Бенито,
Твой возлюбленный жених.

Сохранен святою девой,
Счастлив я. Тебе привет
Я пишу рукою... левой,
Потому что — правой нет!

1911 г.

НОЧНОЙ «ГОСТЬ»

Ночь. В полевом колхозном стане
Уснули все, чтоб встать поране.
Не спит, лишь сторож, дед Нефед.
Вдруг всполошился старый дед:
Над станом ночью гул мотора!
Дед смотрит. Точно: самолет.
С него Нефед не сводит взора.
— Как он чудно себя ведет:
Кружит почти над самым лесом...
Взмыл вверх... Как не было! Исчез!
Кружил он за каким тут бесом? —
Так думал дед, шагая в лес:
— Авось что-либо запримечу.

Ан глядь, пыхтя, ему навстречу
Верзила несуразный прет.
Нефед к нему: — Ты кто? Откеда? —
Верзила, выпучась на деда,
Незнамо, врет или не врет:
— Я, — говорит, — бежал из плену.
Подбил я немца на измену,
Подкуплен летчик мною был,
Чтоб свез меня в советский тыл.
Где здесь на станцию дорога? —
У старика в душе тревога,
Но речь умильна и хитра:
— У нас останься до утра.
Поешь, попей, сосни с устатку.
А утром... Господи, прости,
Тебя на станцию свезти
В колхозе сыщем, чай, лошадку!

В колхозном стане гость ночной.
Все окружили гостя тесно.
— Страдал в плену? — Ах ты, родной!
— Ну расскажи, нам интересно! —
А дед стряпухе шопотком:
— Гость явно треплет языком.

«Страдал в плену». А брюхо — вона!
Лети стрелой в район, Матрена.
Так, мол, и так: в ночи тайком
К нам притесалася ворона.
Мне этот «гость» не пэнутру:
Вертляв, и рожа — на шпиона.

Все разъяснилось поутру.
Отряд, прибывший из района,
Разоблачил врага в момент:
Немецкий к нам проник агент!
Осталось от него наследство —
Его фальшивый документ,
Оружье, взрывчатое средство
И толстый денежный пакет.
Сам получил он, по закону
Что причитается шпиону,
Как говорится: был — и нет!

Предупредивший крупный вред,
Еще внимательней, чем ране,
Относится к ночной охране
Колхозный сторож, дед Нефед.
Все говорят ему: — Спасибо!
— Пускай, — в ответ смеется дед, —
Еще к нам сунется кто-либо!
Мы и его — за первым вслед —
Спровадим к чорту на обед!

1942 г.

ФАШИСТСКИЕ «ИСКУССТВОВЕДЫ»

«Трофейной» бандой Риббентропа
Была ограблена Европа,
Ее музеи и дворцы.
Набравшись опыта, фашистские злодеи
Пустились оголять советские музеи.
Картины, статуи, колонны, изразцы,
Культурных ценностей редчайших образцы,
Всё, что копили наши деды,
Что завещали нам отцы,
В местах, где временной добился враг победы,
Фашистские «искусствоведы»
Разворовали, подлецы.
Среди фарфоровой посуды тонкой, ломкой,

Средь древней утвари, средь драгоценных ваз
Они плясали дикий пляс,
Орудя ножом и фомкой.
Чего не увезли с собой,
То превратили в лом и в бой.

Но близок грозный час расплаты
За разоренные старинные палаты,
За каждый наш музей, дворец культуры, храм.
Придется воем выть, пощавши в наши руки,
Организованным ворам,
«Профессорам и докторам»
Фашистской подлой «грабь-науки», —
И первым пред судом свой воровской ответ
Даст Риббентроп-«искусствовед»!

1942 г.

«КУЛЬТУРТРЕГЕРЫ»

Только профессиональные обманщики могут утверждать, что немецкие фашисты, покрывшие Европу виселицами, грабящие и насилующие мирное население, поджигатели и взрывающие города и села и разрушающие культурные ценности народов Европы, — могут быть носителями европейской культуры.

Из приказа Народного Комиссара Обороны
И. В. Сталина от 1 мая 1942 года.

Давно, еще на школьной парте,
Прочел я в книжечке в одной:
От суеты устав земной,
Мудрец один в святом азарте
Мечтал о жизни вдалеке,
На не отмеченном на карте
Уединенном островке.
И вот, проделав путь суровый,
На берег ринуться готовый,
Благословил мудрец судьбу:
Он с корабля на остров новый
Глядел в подзорную трубу.
— Рай! Жизнь должна быть здесь какая! —
Вдруг, пот холодный утирая,
Мудрец потупил скорбный взгляд:
На берегу зеленом «рая»
Стояли виселицы в ряд,

Внизу металася фигура,
Вопя о зверском грабеже.
— Так, так, — мудрец промолвил хмуро, —
К несчастью, вижу, что культура
Здесь утвердилася уже.

Фашисты хвалятся, гляди-ко,
Культурой новою. Лжецы!
Вот о какой «культуре» дико
Горланят эти подлецы!

1942 г.

«РАСА ГОСПОД»

История сия совсем не так стара,
Но поучительна: в ней вскрыт немецкий «гений»
По части гнусных проявлений
Его звериного нутра.

Лет шестьдесят назад под крики «гох!», «ура!»
У немцев вызрела пора
Колониальных вождедений.
Весь мир их грязную увидел наготу
И какова она — не в показном быту —
Их подлинно-немецкая натура.
На негров племени банту
Свалилась в Африке немецкая «культура».

Ах, что было! Ах, что было!
Всё кричало, пело, выло,
Весь Берлин сошел с ума.
Возле банков кутерьма,
Возле банковских контор
Не смолкал немецкий ор.
Не жалея труб и струн,
Рявкнула «симфония».
Голосили стар и юн:
— Камерун! — Камерун!
— Гох, у нас колония!
— Камерунер гинтерлянд!
— Вот подарок, так подарок!
— Больше флагов! Больше арок
И цветных на них гирлянд!
— Мы цивилизаторы!

— Мы организаторы!
— Негров черных,
Непокорных
Перережем половину!
Укрощать мы мастера!
— Гох! — Ура! — Гох! — Ура!
Раздавалось по Берлину.

А в знойной Африке в тот самый день и час
Гремел немецких пушек бас
«Симфонии» берлинской вторя.
Настал для негров ад. Хлебнули негры горя
И за оружие хватались не раз.
«Цивилизаторы» себя тут показали:
Деревни жгли, детей и женщин вырезали.
О кровожадности, о зверстве их до нас
Дошел рассказ,
Точней, дневник — немногострочный,
Но очень красочный и точный.

Дневник немца в Камеруне

Выдержки, напечатанные в немецком журнале «Neue Deutsche Rundschau» в апрельском номере 1894 года:

13 марта 1893 г. Я получил очень интересные подробности о восстании негров в Бакоко... Ассессор Велан, начальник экспедиции, приказал *не только сжечь все жилища туземцев, но и отрубить головы старухам...* Утомленные, до полусмерти избитые и покрытые ранами, остальные узники преимущественно старики, старухи и дети, были отведены в тюрьму... Повидимому, трое из них умерли с голода у подножья древка с германским знаменем... Пленных заставляют работать в порту, но они все поочередно умирают от... *перемены в образе жизни.*

17 марта. Я собрал еще новые сведения об экспедиции в Бакоко... Действительно, проявлена немцами большая жестокость: узники были прикованы к палубе судна и оставались в этом положении в самые страшные жары. *В их окровавленных телах завелись черви, и им не давали даже воды, чтобы облегчить переносимые ими пытки. Когда же у них наступала предсмертная агония, то их пристреливали как диких зверей.*

31 марта. Во время моей недавней болезни фон Велан вернулся из своей новой кампании. Он не привел с собой пленных. — Так как они все умирают здесь, — говорил он за обеденным столом, — то я предпочел убить их по дороге... У наших доблестных немецких солдат — и осо-

бенно у одного из них — прекрасный способ сдирания шкуры с неприятелей: делается разрез ножом на нижней челюсти, потом надкус зубами, и кожа легко сходит с лица.

20 июня. Фон Аттен заходил ко мне сегодня и рассказывал, что повесили трех узников. Но машинист Гебгардт с корабля «Нахтигаль» говорил мне, что негров зарезали ножами.

18 августа. Советник Лейст, исполняющий должность губернатора, приказал привести к себе трех женщин из тюрьмы и оставил их у себя на всю ночь. Ночью у Лейста был также поручик Рекерт.

Мы знать должны, громя немецких подлецов:

Они пошли в своих отцов.

И дива нету безусловно,

Что этаких сынков, вступивших поголовно

В проторенный отцами след,

Бандитов, чья мораль — расистский дикий бред,

Возглавил родственный им кровно

Проклятый Гитлер-людоед!

1942 г.

РАСПИСАЛИСЬ!

«Московская «Правда» нашла себе новую тему... Изобретена версия о том, что в оккупированных восточных областях немцы уничтожают или же вывозят в Германию все культурные ценности... Немецкая администрация и немецкие войска приняли меры к спасению ценных предметов. В настоящее время книгохранилища и библиотеки сортируются для того, чтобы передать их в пользу немецкой общественности. В Киеве удалось спасти ценные книги, в Полтаве: — картины».

Из немецко-фашистской газеты «Дейче. Украине цейгунг» от 4 декабря 1942 г.

По части юмора, известно,

Не шибко немец тароват.

«Острит» он тупо, неуместно,

Гогочет глупо, невпопад:

— Га! Мы берем чужое... честно!

Га! Присвоенье — не захват!

Мы — воры, га! Но где приметы?

Мы, без числа набрав, без сметы,

Советских редких книг, картин,

«Спасали» ценные предметы

И отправляли их в Берлин.

Да, их «спасали» энергично
Посредством пули и штыка
Администрация частично
И главным образом — войска.

В Берлине, проявив сноровку,
Приобретенную давно,
Мы производим сортировку
Всего, что нами спасено.

Язык у русских злее злого.
Их обвинительное слово —
Ему мы в праве дать отвод.
Нет ничего для них святого:
Они в дом Пушкина, Толстого
Впускали — га! — простой народ.

Они их сами оскверняли.
Да что! Есть чище образцы:
От русских немцы «охраняли»
Все петергофские дворцы.

Какой фарфор там был, портреты!
Невероятнейшей цены!
Все эти ценные предметы,
Не скроем, нами «спасены»! —

Скрыть не умея раздраженья
И извиваясь не умно,
Строчат фашисты возраженья:
Они не воры, дескать, но...

Но не прельститься как часами,
Чужими ценными вещами,
Когда они перед глазами
В неограниченном числе!
*Так расписались воры сами
В своем бандитском ремесле!*

1942 г.

ВРУТ НЕ ОТ ДОБРА

Фашистам любо хрюкать в луже.
Известно, всякому — свое.
Но до чего же неуклюже
Их безоглядное вранье!

Чему их наглость уподобишь?
Пример, где правды ни словца:
— Не выйти русским из кольца
Южней... Правей!.. Левей!.. Чего бишь? —
И сочинили: — Торопца! —
В три места пальцем сразу тыча,
Потом в четыре — мало трех! —
Они вопили: — есть добыча! —

Мы осмеяли этот брех.
Дня не прошло, как без натуги
Заматерелые ввали
Уж новый брех изобрели:
— Мы у Воронежа, Калуги
Фронт русский начисто смели! —

Побольше напустить туману;
Чтоб только правду скрыла мгла!
Фашистам правда не мила,
Так прибегать пришлось к обману:
Под Сталинградом их дела
Блестящи, дескать: — «все — по плану!»
Что ж? Отмахнуться ль нам рукой?
Мы одобряем «план» такой:
Фашисты врут, а мы их кроем,
Громим, для псов могилу роим!

Все знают, истина стара,
Что люди «врут не от добра».
— Все англичане — аллес, аллес! —
Упали духом. Мы вчера
Налет свершили на Ставналесс.
Весь город в пламени, в дыму.
Не возродиться уж ему! —
Так врал бесстыже, бестолково
Шут Геббельс в клоунском плаще.
«Ставналесс!» Выдумал же слово!
На свете города такого
Не существует вообще!

Врут немцы дико, нагло, зычно, —
Вранье в сплошной слилося гул.
*Врут так отчаянно, обычно,
Пред тем, как крикнуть: — кар-р-ра-ул!*
1942 г.

П А Р Т И З А Н Ы

С Л А В А П А Р Т И З А Н

К поработителям страны своей родной
Герои не идут с поклоном.
Их слава родилась в борьбе с Наполеоном
И партизанскою подтверждена войной
С немецкой армией, смерть несшей молодой,
Рожденной Октябрем, советской Украине, —
Культурный мир она весь восхищает ныне
Своей расправою с фашистскою ордой.

*

Ночные взрывы и пожары.
Спокойных нету округов.
Фашистов мучают кошмары.
Народных мстителей удары
Наводят ужас на врагов.

Народы знают все и страны:
Где налетают партизаны,
Там вражьи корчатся тела.
С фашистской нечистью расправа
Их имя лавром обвила.
Неувядаема их слава!
Незабываемы дела!

1942 г.

А Н К А - П А Р Т И З А Н К А

Белорусская песня

Любовались люди Анкой:
Нет девчоночки былой,
Стала Анка партизанкой,
Комсомолкой удалой.

Вот она — сидит на танке.
Вражий танк. Ее трофей.

Шлем, ружье на партизанке,
А румянец — до бровей.

— Ай да девка! — На приметку! —
Разговор про Анку был.
Анка вызвалась в разведку
И пошла во вражий тыл.

Не сплюшать — одна забота.
Шла сторожко, как лиса,
Через топкие болота,
Через темные леса.

Край родной! Он весь ей вѣдом.
Тонок слух. Глаза горят.
Через день за Анкой следом
Партизанский шел отряд.

Подошел к фашистам с тыла.
Захватил врагов врасплох.
У фашистов кровь застыла,
Был конец злодеев плох.

— Анка, глянь, летит к танкетке!
Бьет по танку! — Уй-ю-ю!
— Удаля была в разведке,
Удалей того — в бою!

Жестока была расплата
Славной девушки-бойца
За расстрелянного брата,
За сожженного отца.

За народ, за трудовую
Разоренную семью,
За страну свою родную,
Белоруссию свою!

1941 г.

УКРАИНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

(Отрывок из повести «Степан Завгородний»)

УКРАИНСКИЙ УРОК,
НЕ ПОШЕДШИЙ НЕМЦАМ ВПРОК

Пора была тяжелая,
Холодная, голодная,
К исходу шла всемирная
Жестокая война.

От немцев отбивалася
Уж не Россия царская,
А новая, великая
Советская страна.
Немецкие захватчики
На Украину хлынули,
Пасть хищную разинули —
И над страной, лежавшею
С ножом, ей в грудь водвинутым,
Военной оккупации
Разбойничьим ножом,
Они, как звери хищные,
Клыки свои оскаливши,
Над всею Украинною,
Войною разоренною,
Оравой разъяренною
Свирепо измывались
И дико упивались
Повальным грабежом.
Вот тут-то и случилось,
Такое приключилось:
В деревне Снежнов-Кут
Раздался крик: «Спасайтесь!
Отряд немецкий!»

«Ироды!»

«Коль хлеба им не выдадим,
Всех мужиков, объявлено,
У нас пересекут!»
В деревню немцы ринулись,
На мужиков накинулись:
— Где клеп? —

— Дафайте клеп!

— Эй, ти! Пазлюшай, дедушка,
Твой клеп скорей показывай! —
Но дед, Егор Колодяжный,
Сурово заупрямился,
Врагам сказал: — Я слеп! —
— Ти слеп? Так мы проверимся! —
Связали руки старому,
Бранясь, во двор помещичий
Его поволокли.
Степана Завгороднего
Избили, окровавили
И с мужиками прочими
Туда же привели.

И вот в дому помещищем
На круглое, широкое
Помещичье крыльцо
Взошло — крестьяне ахнули! —
Военное, знакомое,
До ужаса знакомое
Немецкое лицо.
«Чтоб ты, когда здесь пьянствовал,
Винищем отравился бы,
Котлетой подавился бы!
Чтоб ты тогда издох!»
То был — вот в этом доме же
Гостивший у помещика
Тому назад шесть годиков,
Лобзавший губернатора
И голосивший «гох»,
Тогда ландратом звавшийся,
А нынче оказавшийся
Риттмейстером, герр Кох!
Пред ним толпой понуренной,
Озлобленно-нахмуренной,
Немецкими солдатами
Вплотную окруженные,
Угрюмо-напряженные
Стояли мужики.
Риттмейстер, брызжа пеною,
На них на всех набросился:
«Ви все — большевики!
Ви, зволочь, бунтуйтеся!
Наш влясть не признавайте!
Ви нэ повиновайтеся!
Ни клепа не показывайте!
Я будет вас наказывайте!
Семь кожа с вас здирайт!»
Бобёр — помещик, стало быть, —
Подсунул Коху списочек,
Кого из мужиков
Считал он всех строптивее,
Зловредней и опаснее.
Вот барин был каков!
Пороли перво-на-перво
Степана Завгороднего:
— Я знайт ефо! Я знайт! —
Кричал так экзекуторам
Риттмейстер разъярившийся:
— Он недофольный з барином!

Он недофольный з немцами!
Пороть его без жалости,
Большая зделать боль,
Чтоб бризгал кровь мужицкая! —
Немецкие секуторы
Вскричали: «Постараемся!»
По-ихнему: «Я волю!»
Спина у Завгороднего
От пояса до ворота
Была вся сплошь испорота,
Уж больше места не было
Кровавым новым полосам.
Но злым, истощным голосом,
От крови охмелевшее,
Бранилося немецкое
Высокоблагородь,
По-русски материлося
И пуще все ярилося:
«Поротѣ! Пороты! Пороты!»
Пороли всех — по списочку! —
Нещадно, одинаково,
А Кох ногой подрывивал,
Присвистывал, подпрыгивал:
«Тра-ля, ля-ля, ля-ля!
Иметь ви должен знания:
Ви все и ваш поля
Принадлежайт Германия!
Дас гренцлянд, весь Украина,
Немецкий есть земля!
Ми, немец, ваш правительство!»
В деревне шло грабительство
Сплошное, поголовное,
С жестоким применением
Побоев и угроз.
Повсюду немцы шарили,
Мукой, зерном и птицею
Набили — дальше некуда —
Длиннейший свой обоз, —
Метнулись за скотиною,
По огородам, выгону
Охотились за ней, —
Под женский вопль, под горькие
Рыданья-причитания
Забрали всех коровушек,
Волов, овец, свиней,
Забрали и отправили

На станцию — под пляс
Уже самих воителей,
Разнузданных грабителей:
«Не плачьте, глупый жителей!
Ви все без понимания:
Голодный наш Германия
Есть будет ваша мяс!»

Захвотчики старались,
Зерна, скота и птиц
Награбивши, нажрались,
Винища нахлестались
И похотливо ринулись
Искать, ловить, насиловать
Девиц и молодых.
А сам герр Кох помещицей
Доволен был весьма:
Ему на шею барыня
Повесилась сама.

Стонал народ украинский.
Центральной предан Радою,
Он немцам стал наградою:
«Всё, немец, забери!»
И немцы брали яростно,
Хлеб гнали эшелонами,
Вагоны за вагонами —
С зари и до зари.
Что им народ украинский?
Пусть гложет сухари!

Деревня коль упорная
Хваталась за оружие —
Расправа с ней была:
Деревня непокорная
Сжигалася до тла.
Расправы шли кровавые:
Расстреливали, вешали,
Казнили всех подряд
Не за одно упорство лишь
И не за слово резкое,
А за единый пламенный
Крестьянский гневный взгляд.
Но скоро для насильников
На Украине приняло
Грабительство разбойное
Печальный оборот:

На их разбой, насилие
Ответил забастовками
И боевым восстанием
Разгневанный народ.
Недолго звери лютые
Над всею Украиною
Свирепо измывались
И дико упивались
Повальным грабежом.
Нет! Сила-мощь народная
Крестьянская, рабочая,
Была не вся истрачена:
Страна была охвачена
Пылающим повстанческим
Народным мятежом.
Отряды партизанские
Росли повсюду, множились
Уж не по дням, а, подлинно,
Рождались по часам;
По кличу собирались,
Умело укрывались
По балкам и лесам.
Оттуда, из укрытия,
Средь бела дня, при случае,
И средь полночной мглы,
Чуть вороны немецкие
С добычею награбленной
Дозорными приметятся —
На них стремглав бросались
Украинские соколы
И грозные орлы.

Все немцы всполошились,
Итти на всё решились;
Риттмейстер Кох особенно:
Где он пройдет — пожарами
Следы его горят.
Его пути разведывал,
Везде его преследовал,
Грозой шел неотступною
И тормозил без усталости —
Степана Завгороднего
Повстанческий отряд.

Бойцов в нем было много ли?
На свежую-то ниточку
По пальцам перечесть.

Но Коха всё ж «потрогали»,
Оттяпали зениточку
Да пулеметов шесть.
Отряд меж тем всё ширился,
Всё креп, в конце концов
Сверх сотни накопилось
Отчаянных бойцов.
Была разведка конная,
Команда пулеметная, —
Снарядная, патронная
Добыча занемелась,
Погроживала пушечка
Немецкого литья.
Степан в соображение
Взял чьё-то выражение:
— Чужое снаряжение,
А тактика — своя! —
Учился этой тактике
Степан в боях, на практике,
Но всё ж, хоть этой тактикой
Отважной, партизанскою,
Он Коху досадил,
Однако часто, хмуряся,
Он грыз усы с досадою
И трубною чадил:
Риттмейстера засадою
Накрыть ему хотелось,
Но до поры до времени
Риттмейстер уходил.
Кох, за свои жестокости
Заслугами увешанный,
С лицом злодейским, каинским
Метался, словно бешеный,
По деревням украинским
До самой той поры,
Когда в самой Германии
Взорвали власть дворянскую
И нечисть офицерскую
Страдания народного
Калёные пары.
Народная Германия
Зажглась огнем восстания.
У Коха дрогнул тыл.
Его солдаты сжались,
Честней кто — разбежались,
У тех же, что сражались,

Уж был не прежний пыл:
До грабежа ли было им,
Коль не увезть и взятого!
Тут Коха распроклятого
Степан-то и накрыл!

Живьем бойцами схваченный,
Риттмейстер озадаченный,
Испуганный, растерянный,
Стоял, как волк ощеренный.
Пыхтел, как жирный сом.
Степан сказал: «Товарищи,
Давно я Коху нравлюся,
Так я уж сам расправлюся
С поганым этим псом.
Пусть это будет вóрогам
И нынешним и будущим
Расплата и урок!»
Так Завгородний вымолвил.
Наган в руке. Прицелившись,
Степан нажал курок.

*

К тому, что здесь рассказано,
Короткий, заключительный
И для меня значительный
И радостный аккорд:
Степану Завгороднему
По матери, украинке,
Я довожусь племянником —
И дядькой очень горд.
Пред Украиной милою,
Пред всей народной силою
Степану Завгороднему
Я славу-честь пою.
Утробной пуповиною
Сращенный с Украиною,
Я эту былиную
Ей долг свой отдаю.

У К Р А И Н А 1936 Г О Д А

Заторов нет у времени.
Года бегут, бегут.
Степана Завгороднего
Признай теперь — он жив еще.

Его в войну гражданскую
Не раз огрел помещичий,
Белогвардейский кнут, —
Он в годы предколхозные,
Ведя борьбу с кулачеством,
С вредительством и рвачеством,
Был беспощадно крут;
Со дня весьма серьезного —
Дня первого колхозного —
Он состоит заслуженно
Бессменным председателем
Колхоза «Красный Кут».
Он горд спокойной гордостью.
С несокрушимой твердостью,
И мудростью, и честностью
Он, чтимый всей окрестностью,
Без крику, без угроз,
Сломив повадку шкурную,
Корыстную, блудливую,
На линию культурную,
Зажиточно-счастливую
Поставил свой колхоз.
Сбылось, что не снилось.
Как всё здесь изменилось —
От облика наружного
До радостного, дружного
Колхозного труда!
Дед весел. От Степановой
От досоветской хмурости
Не стало и следа.
«Ушли от старой дурости!
Вот стали жить когда!»
Не вся ль страна советская,
Твердыня капитальная,
Насквозь индустриальная,
Не нищенски-голодная,
Могучая, свободная,
Без прежних барских пут,
Так стала непохожею
На крытую рогожею
Россию старопрежнюю,
Как на былой, на сникнувший,
Запущенный, загаженный,
Насквозь обезображенный
На Снежнов-Кут помещичий
Стал непохож теперешний

Цветущий, крепко слаженный
Силач машинно-тракторный,
Колхозный «Красный Кут».

Из всех детей Степановых
В живых осталось шесть —
Шесть сыновей Степановых —
Отцу большая честь:
Данило — в красных лётчиках,
Микола — в краснофлотчиках,
Микита — в кавалерии,
Омелько — агроном;
Антон с Петром — комбайнеры,
Отличные комбайнеры:
Почетный орден новенький
Сверкает на одном
За то, что он рекордную
Победу одержал, —
В Москве, в кремлевском здании,
Петру пред награждением
С сердечным обхождением
Сам Сталин руку жал.

Коль кто-нибудь при случае
Степану Завгороднему
Иль скажет, иль прочтет —
Фашисты, мол, немецкие
Усиленно бахвалятся:
На области советские
Они вот-вот навалятся,
Хотят свершить налет,
Перекроить всё заново,
Взять то, что потучней, —
«Так, так!» — лицо Степаново
Становится мрачней,
Ложится складка строгая
Промеж седых бровей, —
Рукой любовно трогая
Висящие над столиком
Портреты сыновей,
Он говорит с усмешкою:
«Бароны наезжали к нам
Сначала в гости вроде бы,
А после с эскадронами.
Вот то-то и оно:
Выходит, что с баронами
Фашисты заодно.

Так, говоришь, куражатся?
Ну, что ж, пускай отважатся.
Средь удалых бойцов
Не худшими окажутся
Моих шесть молодцов.
И сам я попытаюсь —
Где дети, там отцы, —
С фашистами сквитаюсь
За горб исполосованный
Немецкими шпиц-прутьями,
За все мои рубцы!»

1935 г.

П А Р Т И З А Н Ы, В П Е Р Е Д!

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Из выступления товарища И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г.

Свершилось злодеяние
Чудовищно-кошмарное,
Невиданно-огромное,
Неслыханно-коварное,
Фашистски-вероломное:
Идущими ко дну,
На гибель обреченными,
Рассудком помраченными
Немецкими фашистами,
Руками их нечистыми,
Мы втянуты в кровавую,
Ответную, защитную
Народную войну.

Предела нет бесчестию
Фашистского отродия.
Взбесились кровожадные
Злодеи, беспощадные
Бандиты-палачи.
И пажити советские,

Сады, луга росистые,
И нивы золотистые,
И сладкие бахчи
Подверглись злему бедствию,
Внезапному нашествию
И пешей и летающей,
Всю зелень поедаящей,
Коричневой, прожорливой
Фашистской саранчи.

Вся нечисть саранчевая
Ползет, как ошалелая,
Летит, как одурелая:
Зима страшна ей новая,
Голодная, суровая.
Не выдержать зимы!
Она довоевалась.
От рока неисходного,
От мора от голодного
Она уйти пыталася,
Во все концы металася,
Чужой едой питалася,
Насильно, не взаймы,
Всё, всё вокруг да около
Брала, ничем не брезгуя,
До нищенской сумы, —
Культурнейшие ценности
По-варварски раскокала,
А всё ей нету прибыли,
Всё не уйти от гибели,
Как вору от тюрьмы.
А рядом — нивы тучные,
Места благополучные,
Края, зерном обильные;
Но, их оберегаючи,
Храня, как от чумы,
От покушенья вражьего,
Народной силой мирною,
Но в обороне грозною
В строю стояли — мы.

Злой саранче, изморенной,
Приманкой раззадоренной,
Не стало больше выхода.
Фашистское отчаянье,
А не избыток сил,
Вот тучу саранчевую

Что на народ наш бросило
Искать судьбы ускоренной:
Жратвы или... могил!
Мы саранче ответили,
Ее мы боем встретили,
В могилах нет откazu ей,
Но хлеба — не даем.
Всей нашей грозной силою,
Стальной, бронекованной,
Живой, организованной,
Врагу не уступающей,
С днем каждым нарастающей,
Мы саранчу фашистскую
И, наступая, бьем ее,
И, отступая, бьем.
Уж до мильона выбили.
Добьем и до пяти.
Нет, от конечной гибели
Фашистам не уйти!

Народ, в себе уверенный,
Историей проверенный,
С какими Чингиз-ханами,
С какими великанами,
С Наполеоном — шутка ли! —
Мы встречный бой вели.
Народ, в себе уверенный,
Мы, — сколь ни зарывались
Враги к нам в глубь российскую,
На миг не отрывались
От временно утерянной
Своей родной земли.
С «двенадцатью языками»
И с полководцем-гением
Народ наш бился пламенно,
С особенным умением,
С отвагой партизанскою
Озлобленных крестьян.
В тылу наполеоновском,
Где мародеры грабили
Крестьян, в тылу оставшихся
(По-ихнему «пейзан»),
Отряды мародерские
Бежали в диком ужасе
При крике: — «партизан!»
От партизан грабителям

Тогда весьма досталось,
Немало их осталось
Лежать в земле сырой, —
От партизанской удали
Дух падал в войске вражеском
И с каждым часом — худо ли! —
Редел военный строй.

В любой войне — и в нынешней —
Успехи все военные —
Успехи переменные:
Там — враг теснит нас бешено.
Здесь — мы тесним врага,
И если в нашу сторону
Пока вогнулась выпукло
Фашистско-вражьей линии
Военная дуга,
Ужо мы постараемся,
Мы силы набираемся
И знаем толк в вещах:
Враг нами скоро свяжется
И не в дуге окажется,
А в огненных клещах!

Весь мир дивится доблести
Советской Красной Армии,
Ее особой стойкости,
Еще нигде фашистами
Не виданной досель.
Ее неотразимые
Кроваво-смертоносные
Удары по противнику
Видали мы не все ль!
Она под вражьим натиском,
Коварно подготовленным,
От вероломной сволочи
Геройски отбивается
И — силой наливается
Народно-боевой.
День недалек решительный,
Когда полки фашистские,
Те, что еще останутся,
При общей их погибели
Помчат назад стремительно,
Поднявши жалкий вой,
До той поры, товарищи,
Родные братья, кровные,

Все, кто подвергся участи
Печальнейшей, но временной —
Теперь грабеж-насилие
Во вражеском тылу,
Примите к сердцу братскому
Слова мои любовные,
Всё то, что мною сказано
Степану Завгороднему,
Его упорной стойкости
И партизанской удалости
И в честь и в похвалу.
Проникнитесь верою
В победу дела нашего,
Святого дела, правого.
Народ, в себе уверенный, —
Как не сдавали ране мы,
Так и теперь мы выдержим,
Не попадем в фашистскую
Лихую кабалу.
Вооружитесь мужеством
И гневным словом Сталина,
Из самых первых первого
Бойца за нашу родину,
Отца родного нашего,
Великого, могучего,
Уверенно-бесстрашного
И прозорливо-мудрого
Народного вождя.
Всею силой партизанскою
Ударьте по насильнику,
Для счастья нашей Родины
Ни сил своих утроенных,
Ни жизни не щадя!

Всею силой партизанскою
Обруштесь на захватчика,
Чтоб, дрогнув, он почувствовал,
Что нет ему спасения
Там, где народ весь борется,
Где каждое прикрытие,
Где каждый кустик маленький
Ему свинец дарит,
Где небо раскалилось,
Где воздух пышет пламенем,
Где под фашистской нечистью
Сама земля горит!

1941 г.

Г Е Р О И Н И

ВЫСОКИЙ ОБРАЗЕЦ

(Подвиг путевой обходчицы т. Сверковской)

Она — обходчица прифронтовой дороги —
На трудовом своем и боевом посту.
«Путь взорван!» — подает она сигнал тревоги.
Скорей! Секунды на счету!

Не помутился ум, не подкосились ноги,
Хоть рядом враг разбил ее любовь, мечту:
Горит ее жилье, а в нем детишек двое.
Но сердце матери героически-боевое
Любовью к родине полно,

В тягчайший этот миг не дрогнуло оно.
Отважной женщиной, сочти, число какое
Снарядов и бойцов советских спасено!

О подвиге ее писали все газеты,
Ее прославили художники, поэты,
Нам в мраморе ее даст скульпторский резец,
Над именем ее — сверкающий венец,
Он над героическими сверкает именами.
Склонитесь перед ней, товарищи: пред нами
Советской женщины высокий образец!

1941 г.

Ч Е М Т Ы Ф Р О Н Т У П О М О Г Л А ?

Сестры: Нина, Валя, Ната!
За отца, за друга, брата,
За подбитого орла
Сердцем раненым страдая,
Спросит пусть себя любая:
— Чем я фронту помогла? —

Вас — отважных, стойких, честных,
Чья глаза огнем горят,
Ждет для подвигов совместных
Санитарниц краснокрестных
Героический отряд!

МЕДСЕСТРА

Палатка Красного креста
Пылает. Медсестра убита.
Святые есть ли где места
Для озверелого бандита?

Он видел ясно, хищный вор,
Опознавательные флаги,
Но Красный крест бомбил в упор.
Международный договор
Что для него? Ключок бумаги!

Преступный свой налет свершив,
Он улетел, фашист кровавый.
Но образ медсестры — он жив,
Бессмертную покрытый славой.

И этот образ нас зовет,
Он нас на подвиг вдохновляет.
Кто на призыв его идет.
Тот красный фронт наш укрепляет.

И нет в Стране советской мест,
Где б сотни жен, сестер, невест,
Отбросив личные заботы,
Не устремились в Красный крест
Для героической работы!

1911 г.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Фашистским варварством ребенок изувечен,
Но сандружинница его подобрала
И помощь первую любовно подала.
За ним уход дальнейший обеспечен:
— Сиротка? — слышим мы вокруг — беру! — беру! —
Мальчонок аль девчонка? —
Осиротелого ребенка
Народ включает в свою родную детвору.
Ребенок вырастет, жить станет жизнью ясной
И до конца своих счастливых дней
Он будет вспоминать о ней,
О сандружиннице отважной и прекрасной,
Чей подвиг некогда в кровавый, страшный час
Его от смерти верной спас.

Г Е Р О И Н Я

Медицинская сестра Лидия Маличенко бесстрашная дочь русского народа, во время боев всегда находилась на передовых позициях. В сражениях под Каховкой она оказывала раненым бойцам первую помощь под ураганным минометным огнем противника.

Она вынесла с поля свыше 60 раненых вместе с их вилочками и противогАЗами. Сама, уже пострадавшая от осколка снаряда, она подняла раненого и продолжила путь.

Во время боя на командном пункте упал, обливаясь кровью, комиссар батальона Заворотный. Маличенко бросилась к псовозке, где находился перевязочный материал. Она видела, что дорога простреливалась пулеметными очередями, но твердо решила спасти комиссара.

У псовозки ее настигла фашистская пуля.

Из «Правды».

Сверкнула жизнь, как искорка в костре,
Бессмертная в своем посмертном виде.
Легенда перейдет в века о медсестре
О Маличенко Лиде.
Но тем сильна Советская страна,
Что Маличенко не одна,
Что с именем ее сверкают рядом
Других сестер отважных имена,
Сестер, всем обликом и всем геройским складом
Таких же точно, как она.
Они родным бойцам несут сквозь пули, мины
Заботу нежную, любовь, тепло и свет.
Подруги: Тани, Тоси, Нины,
Вам в славный день Октябрьской годовщины
Наш братский, пламенный привет!

7 ноября 1941 г.

О Р Л Е Н О К

Гневно советские пушки гремят.
Вышли на линию грозные танки.
Красноармейцы отвагой горят.
Глаз не отвести от их бодрой осанки.
Крепкий — у всех одинаковый — вид:
Каждый глядит прирожденным героем.
Знают бойцы, что сам маршал следит
За разгоревшимся боем.

Вот под огнем он рванулся вперед:
— Ранен боец! — Жертву вражеской мины
Бережно под руки маршал берет
С девушкой, словно сошедшей с картины
Нина! (По спискам зовут Фоминой.)
Всем она стала сестрою родной.
Гордость она санитарной дружины.
Маршал, дивясь бесстрашию Нины,
Молвил при всех восхищенно: — Орел!
Кто их, таких, как она, изобрел?
Девушки эти — не выискать краше —
Изобретенье народное наше! —
Нине всего лишь шестнадцать годков.
Вот ее возраст каков!
А уж она с санитарной наколкой.
Прежде на фабрике Нина была,
Средь комсомольцев отважных слыла
Самой отважной она комсомолкой.

Нины не минула вражья картечь.
Но у нее про одно только речь:
Не задержаться в больничном «ремонте».
Кончен «ремонт», и — отважна, сильна —
Вместе с родными бойцами она
Снова на фронте.

Ей, героине шестнадцати лет,
Ей, полудевушке, полуробенку,
Другу, сестре, боевому орленку,
Наша любовь и наш братский привет!

1942 г.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

В «двенадцатом году» — кавалерист-девица
И в «Крымскую войну» — отважная сестрица,
Она в дни Октября в «семнадцатом году»
Шла в Красной Гвардии в передовом ряду.
Да, русской женщине недаром мир дивится!
И не читали ль мы о немцах в эти дни,
Как напоролися они
На героиню-сталинградку:
Она, взамен того, чтоб указать пути
Врагам, как дом — для них опасный — обойти,
Их вывела на тесную площадку
Под самый наш огонь и крикнула бойцам:
— Стреляйте, милые, по этим подлецам! —

Пусть стала жертвою она немецкой мести,
Она пред миром всем раскрыла, как велик
Дух русской женщины и как прекрасен лик,
Суровый лик ее, готовой каждый миг
На подвиг доблести и чести!

1942 г.

П О В Е Д О Н О С Н О Й

Дочь Октября, росла и крепла ты в борьбе.
Народ, труднейшую переживая пору,
Лелеял ревностно в тебе
Свою надежду и опору.

Как любо видеть нам могучий твой расцвет!
Нет большей радости, светлее счастья нет,
Нет благороднее и выше наслажденья,
Как средь громов твоих блистательных побед,
Гордяся доблестью неповторимых лет,
Приветствовать тебя в день твоего рожденья!

Все — горы и леса, пески и чернозем.
Зарниц над зрелыми полями полаханья,
Все то великое, что мы в себе несем,
Размах труда и созиданья,
Способность выдержать любые испытанья,
Отражены в тебе, — народная во всем.
Ты обнаружила пред миром весь объем,
Всю ширь и глубину народного дыханья!

Враг на тебя напал, кичася и грозя.
Ты доказала непреложно,
Что утратить тебя — нельзя,
В боях осилить — невозможно!

Народная во всем — и в мужестве своем,
И в несгибаемом упорстве,
Ты выявила сил невиданных подъем
В невиданном единоборстве!

Победоносная, тебе, в огне побед
Несущей злым врагам суровую расправу,
Наш вождь и весь народ шлют боевой привет
И гордо возглашают — с л а в у!

23 февраля 1943 г.

XXV-летие Красной Армии.

ТРУДОВОЙ ФРОНТ

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРИВЕТ

Прекрасно небо голубое.
Прекрасна мать-земля. Прекрасно все родное,
Здоровое, цветущее, живое:

Оно не может быть иным.

Идут на фронт бойцы. Вглядись в лицо любое,
Увидишь ты его таким родным-родным!
Сегодня Первомай. Но время боевое
Зовет нас к подвигу. Плывет заводский дым.
В колхозах выдано задание трудовое

И старикам и молодым.

Подъем. Справляются с работой трудной двое,
Где дела ранее хватало пятерым.
Всем, бьющимся с врагом фашистски-уголовным,
Героям боевых и трудовых побед,
Всем детям Родины Советской, братьям кровным,

Я, их соратник и поэт,
Шлю братский, пламенный привет!

1942 г.

ЗАЛОГ ПОБЕДЫ

Жизнь примерами богата:
Фронт и тыл — родных два брата,
У обоих мать одна —
Вся Советская страна.

Наш рассказ начнется с тыла.
Жизнь в нем, ясно, не застыла,
А совсем наоборот:
Взбудоражен весь народ.
Все в гореньи, все в движеньи,
Все в геройском напряженьи,
Тыл в работе день и ночь —
Фронту силится помочь.

Кизел — город есть, слышали?
Предки кизелцев пахали

И частенько в год худой
Хлеб жевали с лебедой. —
Нынче там кипит работа,
Уголь — главная забота,
Лишь про уголь всюду речь:
— Надо, братцы, приналечь!
Мы докажем: наши копи
Не последние в Европе.
Нам страна дала наказ
— Мы ее послушны клещу! —
Угля прежнюю добычу
Перекрыть во много раз!
Мы нуждаемся в нем крайне.
Почему? Для всех не в тайне.
Вместе с фронтом вся страна
Уголь требует: война!
Для заводов оборонных,
И литейных, и патронных,
Всех, любого образца,
Нужен уголь без конца!
Ну, так в Кизеле вот в этом
Объявились нынче летом
Два — не знаю их с лица —
Машиниста-молодца:
«По понятным всем причинам
Нашим врубовым машинам
Мы дадим такую прыть,
Чтоб рекорд свой перекрыть
Достиженьем нашим новым.
Нас, Кошкарова с Жирновым,
Просим снайперов-стрелков
Всех дивизий и полков
Поддержать своим вниманьем,
Боевым соревноваьем.
На своих постах бои
Проведем мы беззаветно.
Присылайте нам ответно
Обязательства свои!»

Как прочли бойцы в газете
Это, значит, письмецо,
Стали думать об ответе.
Братский вызов налицо.
— Нет у нас таких законов:
Избегать крутых высот! —
Молвил снайпер Номоконов,

Покоясь на вражий ДЗОТ, —
Фрицам пулек мы подбросим!
Чтобы снайперский мой счет
Довести мне до двухсот,
Сбить мне надо — двадцать восемь.
Цифра все ж! Но сладить с ней
Обязуюсь в десять дней!
— А вот мне, — сказал Санжеев, —
Сбить четырнадцать злодеев,
Будет — сто. Зарок даю:
В десять дней я их набью!

«Фрицам» есть все основанья
Русских «снайперского званья»
Ненавидеть зверски — зло.
«Фрицам» крепко не везло:
Новый вид соревнования
Поубавил их число.
Показался «фриц» и — спекся,
Сразу в землю нос зарыл.
Номоконов так увлекся,
Что заявку перекрыл.
Свѣрх «двухсотенной» заявки
Дал четырнадцать надбавки!
Сто Санжеев объявил?
Но так метко бил и часто,
Что уже до срока за сто
Далеко перевалил!

*Наш народ и смел и ловок,
Спарил — доблестный почин! —
Меткость снайперских винтовок
С мощью врубовых машин.
Перед нами в виде чистом
Дня победного залог:
Там куется смерть фашистам,
Где так кровно с машинистом
Спаян меткий наш стрелок!*

1942 г.

СНАЙПЕРЫ ТРУДА

Рабочим творчеством героически-вдохновенным
Страна Советская горда.
Как не сказать, дивясь рекордам сверхотменным:
На помощь снайперам военным
Приходят снайперы труда!

ЯРОСТЬ

В работе яростно-кипучей
Юг, запад, север и восток.
Всё полноводней, всё могучей
Соревновательный поток.

Пласты глубокие взрывая,
В народных недрах открывая
Ключи энергии живой,
Вступила ярость трудовая
В соревнованье — с боевой.

В строю и молодость и старость,
Все — в напряженьи, все — в бою.
Страшней нет ярости, чем ярость
В борьбе за родину свою!

1912 г.

МЫ НЕ ОСТАНЕМСЯ В ДОЛГУ

В борьбе с врагом наш фронт окреп,
Но враг для нас еще опасен.
Зверь, тяжело раненный, свиреп.
На рёв его ответ наш ясен.
В печах, где плавится металл,
Рабочий гнев заклокотал.
Звуча по-новому, сирены
Зовут на подвиг трудовой
И вдохновляет все три смены
Единый лозунг боевой:

— Защита родины, культуры!
Разгром смертельного врага! —
Глаза сверкают, лица хмуры.
Не час — секунда дорога!
В соревнованье пил, рубанков
Включился каждый молоток.
Растет и ширится поток
Аэропланов, пушек, танков,
Боеприпасов — без конца!
Побольше в брюхо ей свинца —
Змее фашистской подколотной!
Поддержим мощью всей народной
Родного нашего бойца!

1942 г.

КОЛХОЗНЫЙ ФРОНТ

ВОЕННЫЙ УРОЖАЙ

Весенняя повесть

Товарищи колхозники и колхозницы! На вас ляжет вся работа по проведению весеннего сева... Я твердо уверен, что колхозники и колхозницы, беззаветно любящие свою родину, нашу Красную Армию, приложат все силы и добьются такого урожая, которого еще не видели наши поля.

Из статьи товарища М. И. Калининна
(«Правда», воскресенье, 1 марта 1942 г.).

В большом приволжском городе,
На улице окраинной,
Рукой подать откудова
На тракторный завод,
В опрятной, теплой комнате
Рабочего Кормилова
Терентия Парфеныча
Воскресным первомартовским
Погожим, ясным утречком
Поднабрался народ.

Тут был сержант Бурёнышев,
Боец, на фронте раненный
И в местный старый госпиталь
Направленный в «ремонт».
Теперь, отремонтирован,
Сержант усы покусывал,
Горя одним желанием —
Скорей, без промедления
Вернуться вновь на фронт.

Василия Ячменного,
Из эм-те-эс механика,
К приятелю прибывшего
Из ближнего села,

Хозяин обходительный
Устроил рядом с воином
У кончика стола.

У двери, — грузный, кряжистый, —
Опершился на трость,
Жевал мундштук прокуренный
Поэт, московский гость.

Хозяйская племянница,
Колхозница-ударница,
Сказать ей в похвалу,
Вихрастенка, глазастенка,
Комочком пестрым Настенька
Прижалась в углу.

Сидели молча, думою
Волнующей охвачены
О фронте, о войне,
И напряженно слушали
Волшебного оратора,
Трибуную избравшего
Прилаженную к проводу
Подставку на стене.
Чеканя слово каждое,
Он говорил им голосом
«Эфирным», проникающим
Во всем родном краю
В места любые, — в город ли,
В колхоз ли отдаленнейший,
На все фронты военные,
Морские, сухопутные,
На все заводы, фабрики,
И в шумное собрание,
И в тихую семью.

Оратор выщеназванный
Передавал горячую,
Волнующе-призывную
Статью, Михал Иваныча
Калинина статью.
В ней просто, вразумительно
Народу разъяснялося,
С какою богатырскою
Зарядкой волевой,
С каким, еще невиданным,

Жестоким напряжением
Всей мощи тыловой,
Немедленно — природою
Нам сроки преуказаны! —
Заняться мы обязаны
Сейчас первостепенною
— На уровне с военною! —
Совхозною, колхозною
Работой неотменною,
Весенне-полевой.

Боец, сержант Бурёнышев,
За смелость беззаветную
Награды удостоенный,
На фронте был танкист, —
Теперь — при общем слушаньи
Статьи, насквозь пронизанной
Весенними мотивами
Страды сельскохозяйственной, —
Лицо его украсилось
Блаженною улыбкою:
Проснулся в красном воине
Искусный, тренированный
И дважды премированный
Колхозный тракторист.
В живых словах калининских
Так много было близкого,
Приятного, понятного
И сердцу и уму.
Сержант, глаза прижмуривши,
Их слушал, точно музыку,
И чудилось ему:

Все выше всходит солнышко,
Взяв направленье летнее,
Все ярче светит солнышко
И греет все приметнее,
Рыхлеет снег под настовой,
Под ломкою корой, —
Простившись с дорогою
Ухабистой, петлистою,
Размоченной, землистою,
Не санною порою,
Копытами истоптанной,
Полозьями источенной,
Зима пошла нетронутой,

Заснеженной обочиной.
Весна не за горой!
На оголенных выступах,
Буграх, на косогорочках
Уже дымками синями
Дымится в час полуденный
Оттаявшая прель.
Любуясь дружной озимью
Весенними просонками,
Дыша парами тонкими,
Под жаворонка трель
Ручьями скоро звонкими
Заговорит апрель.
А там!..

Воображение

Сержанта разыгралось.
— Весенняя страда...
А что в ней, право, страдного?.. —
Сержанту ясно слышался
Знакомый гул колхозного,
Желанного, отрадного
Весеннего труда.
Вид поля неоглядного
Кружил сержанту голову,
Туманом обволакивал.
Нет сил глаза отвести.
— Да, да, — словам калининским
Он мысленно поддакивал, —
Все это так и есть.
Весна решает многое,
Посев решает главное.
Не надо забывать
Суждения народного,
*Что сытый бьет голодного,
Что сытому сподручнее
Победно воевать.*

Весна решает многое,
Посев решает главное.
Уместно слово строгое,
Боеприказу равное,
Там, где слабей звено,
Где срывы и неровности,
Где сельские работники
Не в боевой готовности.

Зерно — понять нам следует,
Понять не мудрено!—
Хотя на нем исконное
Все то же облачение,
И та же все начиночка,
Мучная серединочка,
Но с боевым оружием
Сравнялося оно:
Военно-оборонное
Приобрели значение
И каждая крупиночка,
И каждое зерно!

Чтоб выявился полностью
Во всем своем величии,
Во всей своей безмерности,
Везде, на всех фронтах,
Как океан бушующий,
Победный, торжествующий,
Народных сил размах.
На этот раз, поистине,
Страдой самоотверженной,
Работой по-военному
Добиться мы обязаны,
Чтоб стены прогибались
От урожая нового
В советских государственных
Больших зернохранилищах,
В колхозных закромах!

Горит душа желанием
На фронте снова встретиться
Лицом к лицу с врагом!
Но — если бы неволею
По явной непригодности
К почетной службе воинской,
Я б не был красным воином,
А был сейчас колхозником —
Я б ни о чем другом,
Лишь о посеве думал бы,
Ему все силы отдал бы
Для укрепления родины
И Красной нашей Армии,
Ведущей непрерывные
Бои с лихим врагом, —
Больной, не мог бы трактором

Я управлять попрежнему?
— *Руками землю рыл бы я!* —
Вслух у сержанта вырвалось.
Очнувшись, конфузливо
Он посмотрел кругом.

Взглянул он на Ячменного.
Тот — сам не свой: расстроился,
Лицо покрылось краскою
Смушенья и стыда.
Сейчас он с болью чувствовал,
Что у него на станции
Работа, ой, худа!
Не зря все председатели
Колхозов на директора
В последнем заседании
Насели так — беда!
Тут и ему досталось,
Механику Ячменному:
— Дела у вас одни.
К весне вы как готовитесь?
А до весны остались
Ведь считанные дни! —
Срам! Трактористка бойкая,
Выносливая, стойкая,
Девчонка эта самая,
Что так теперь скромнехонько
Забилась в уголок,
Она все это видела,
Она все это слышала,
Она ему укорливо
Сказала: — Что, милоч?
С ремонтом неуправочка?
А ведь зима кончается.
Неладно получается —
Девчоночка права.
Неладно. С этим кончено!
Всех подтянуть немедленно!
Себя взять в руки первого! —
От мыслей у Ячменного
Ломилась голова.

Речь явственно кончалась
Оратора настенного:
С подъемом он дочитывал
Большой статьи калининской

Последние слова:
«В колхозной стройке женщины
Всегда, с начала самого,
Играли роль громадную —
Звучало со стены, —
В колхозной жизни сделалась
Роль женщины решающей
В условиях войны,
В борьбе за исключительный,
У нас в полях невиданный,
Могучий урожай!»

Сержант, взглянув на Настеньку,
Сказал ей: — Слушай, девушка,
Слова такие попусту
На ветер не бросаются.
Слова тебя касаются.
Смотри, не подкачай! —
Тряхнув кудрями, Настенька
Решительно, уверенно,
С веселою задоринкой
Ему дала ответ,
Похожий на торжественный,
На клятвенный обет:
— *Не подкачаю, нет!* —

— Ну, вот, — хозяин с гордостью
Сказал гостям, — ну, вот!
Не я ль минувшей осенью
Шумел на весь завод:
Завесть заводу надобно
— И место есть свободное! —
Хозяйство огородное.
Так вот! Вы сами слышали
Теперь слова Калинина,
Так важно — и особенно
В тягчайший этот год —
Любому учреждению,
Любому предприятию
И каждому рабочему
В отдельности свой собственный
Возделать огород!
В любом бы учреждении,
В любом бы предприятии
На каждое бы здание
— Начальству в назидание! —

Такой плакат приладил я:
*«Налаживай подсобное
Рабочее питание,
Поменьше изживенчествуй,
Без толпу в государственный
Карман не заезжай!»*
Хозяин, взбудораженный
Своей любимой темой,
Речь вел с такой горячностью,
Что позабыл про стынувший,
Гостям давно предложенный,
Осиротелый чай.

Писатель этим временем,
Вооружась тетрадкой,
Вносил в нее украдкой
Начало новой повести
Военный урожай:
*«В большом приволжском городе,
На улице окраинной,
Рукой подать откудова
На тракторный завод,
В опрятной, теплой комнатке
Рабочего Кормилова
Терентия Парфеныча
Воскресным первомартовским
Погожим, ясным утречком
Поднабрался народ».*
1942 г.

ПИСЬМО ЗЕМЛЯКАМ

*В ответ на письмо земляков, бойцов
Красной Армии, 568-го трактористок Сара-
товской области обязались приложить все
свои силы, чтобы завоевать высокий уро-
жай.*

Они сошлись — не двое, трое —
Все трактористки налицо.
Речь — о своем родном герое.
Вот с фронта красного какое
Земляк прислал им письмецо:

— Друзья! Пишу о важном. Срочно.
Зря б я бумаги не марал.

У нас на фронте дело прочно, —
Так трактористкам кратко, точно
Писал земляк их, генерал:

— Мы бьем врага. Черед за вами
Работать жарко — день и ночь, —
Чтоб хлебом, мясом и жирами,
Своими славными делами
Бойцам за родину помочь.

Хлеб, мясо, масло ли коровье
На вкус приятней, чем на слух.
Победы первое условие —
Бойцов железное здоровье:
В здоровом теле — бодрый дух!

Все трактористки — хоть заочно
По-фронтовому — раз! и раз!
И по-хозяйски, полномочно,
Ответ свой дали — кратко, точно:
— Есть! Будет выполнен наказ!

*

Ну, как страну не гордиться,
У власти где такой народ!
Наш хлеб напрасно немцам снится:
Мы разгромим фашистский сброд!
*Нет, никогда не превратится
Советский хлеб в фашистский брот!*¹
1942 г.

ВЫТЬ ВЕРНЫМ КЛЯТВЕ!

Герой-танкист, товарищ Кретов,
Сказал прекрасные слова.
Вниманью нынешних поэтов:
Для героических сюжетов
Какая дивная канва!
— В боях с врагом, — героя вывод, —
Мы заслужили похвалу.
Но, земляки мои, а вы вот
Все ль подтянулись в тылу?
Мы все — одной породы слепок,
В нас общий дух и общий пыл:

¹ Брот — по-немецки хлеб.

Фронт боевой особо крепок,
Когда особо крепок тыл.
Вам, трактористки с юным стажем,
Ведущим трактор в первый раз,
С моим отважным экипажем
Я составляю наш наказ:

«Быстрей осваивать машины,
Держать в порядке их в большом,
Беречь, как мы, бойцы-мужчины,
Свое оружие бережем!
Позкономнее с горючим!

Тем легче силам фронтовым,
Чем больше мы его получим:
Бензин является могучим
Подспорьем нашим боевым.

Сверх-план — успеха основанье.
Мы говорим не наугад:
Нам много даст соревнованье
Всех женских тракторных бригад!
Механики и бригадиры!
У вас и опыт есть и глаз.
Вы — трудовые командиры:
Зависит многое от вас!»

Герой-танкист, товарищ Кретов,
Коснулся самых главных мест.
В живых словах его советов
Звучит победный манифест:
— *Вперед — к работе неустанной!*
Не спотыкаться на ходу!
Быть верным клятве, нами данной:
С фашистской нечистью поганой
Покончить в этом же году!

1942 г.

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ПОТОК

Быть всем героями; бойцам — на поле боя,
Нам — на своих местах.
И клятва сдержана: и здесь и на фронтах
Мы дали родине не одного героя!
Товарищи, вперед! Быть всем, как на войне:
Порядок строгий, дисциплина!

Ня одного пустующего клина!
Пахать во-всю по целине!
Прибавить площади к полям и огородам!
Мы дать должны сырье заводам,
Хлеб, мясо — фронту и стране!
Все силы напряжем, приложим все старанья,
Чтоб ни один совхоз от соцсоревнованья
Не оставался в стороне! —
И не останется, сомненья нету в этом.
Работники совхозов всей страны,
Я обращаюсь к вам с приветом.
Не потеряли вы весны,
Успехи ваши всем ясны,
Вы перекроете их летом!
Призывный клич гремел по шахтам и заводам.
Он был подхвачен всем народом.
Забыто слово: — «тяжело»!
Невиданным досель, сверхбогатырским ходом
Соревнование рабочее пошло.
Стремительный, могучий, грозный
Поток энергии бурлит в родном краю.
И вот уже идет большой отряд совхозный
В соревновательном строю.
Он трудовой отвагой налит.
Соратникам своим совхоз «Лесной» сигналист:
— Товарищи! На боевых фронтах,
Где все еще сильна фашистская угроза,
Есть люди лучшие и нашего совхоза.
Их подвиги у всех в совхозе на устах.
Был час торжественный — прощанье,
Когда мы клятвою скрепили обещанье:
На фронтовых и тыловых постах.

1942 г.

ЗАЯВКУ ДЕЛОМ ОПРАВДАТЫ

Лубяной совхоз «Джанги-Джер» (Киргизстан) в ответ на призыв совхоза «Лесной» обизался да нь в нынешнем году сверх плана 15 тысяч центнеров стебля кенафа и столько же конопля.

Перед нами, точно на экране,
Наглядно-радостный пример:
В залитом солнцем Киргизстане —
Совхоз, не всем известный ране,
Степной красавец «Джанги-Джер».

Он дал ответную заявку:
— Стране — кенаф и коноплю!
Рекорды прежние — в отставку!
Двойную сделаю надбавку
К былому каждому стеблю! —

И вот — с расширенной границей —
Чтоб рост отметить свой страницей
Сверхплановых отчетных граф,
В соревнование с пшеницей
Отважно ринулся кенаф.

Свой клин окидывая взглядом,
Порыв с товарищем деля,
Спешит блеснуть своим нарядом
— С кенафом рядом —
Конопля.

Ответ совхоза лубяного
Не мог он, явно, быть иным,
И «Джанги-Джер» звучит хоть ново,
Но как нам любо это слово,
Как сразу стало нам родным!

К победе, к славе путь не розов,
Не выслан шелковой травой:
Соревнование совхозов
Зовет на подвиг трудовой.

Склоняясь к братьям братским сердцем,
Мы с твердой верой будем ждать,
Что вам удастся, джанги-джерцам,
Заявку делом оправдать!

1942 г.

НА ПОМОЩЬ РОДИНЕ — ВПЕРЕД!

Поднявши знамя боевое,
Включившись в творческий поход,
В соревнованье трудовое
Вступил колхозный весь народ.
На вражьи наглые угрозы
Ответом грозным, громовым
Гремят советские колхозы
Соревнованьем трудовым!

У них ответственное место —
Кормильцев фронта и страны.
И знают все, каков их вес-то,
А особенно — в дни войны!
Их трудовым порывом ярким
Мы убеждаемся вполне,
*Что фронт колхозный мы недаром
С военным ставим наравне.*
Побед колхозных счет откроем.
Боец, равняйся по героям,
Чтоб стать героем в свой черед!
*Вперед, колхозы, дружным строем!
На помощь родине — вперед!*
1942 г.

ЭТО — ТО, ЧТО НУЖНО!

*Недостаток кожи и ее заменителей вы-
нуждл советское командование выпустить
обувь для войск — из сукна.*

*Можно себе представить, как тяжело
сражаться русским в мороз в такой обуви!*

(Римское радио от 19/XII 1942 г.)

Ай да Бенито! Влип знаменито!

(Новая итальянская пословица.)

Муссолини — речь о нем! —
Разболтался дуче,
Мол, у русских с каждым днем
Положеньё круче,

Что дела их, видит бог,
Никуда не гожи:
Русский фронт насквозь продрог,
Потому что нет сапог:
Нехватает кожи!

В довершение всех бед
При заторе с кожей
Никакой замены нет,
На нее похожей.

Но у русских — к их стыду —
Чтоб смягчить свою беду,

Сыскан в нынешнем году
Выход их исконный:
Так — у них в большом ходу
Стал сапог... суконный! —

Жалко дуче русских ног?
Нет, он зло смеется.
Он, болван, узнать не мог,
Что суконный наш «сапог»
Валенком зовется!

Брех понес о нем сплошной,
Брех нелепый и смешной,
Муссолини злобный.
Русский валенок родной,
Легкий, теплый, шерстяной
До чего хорош зимой,
До чего удобный!

Он в морозы и в снега
Серо пусть — на взгляд врага —
Выглядит наружно,
Да согрета в нем нога!
Вот чем обувь дорога!
Стало быть, что нужно!

Верный друг наш, он вдвойне
Нам дороже на войне
Зимней да морозной.
До чего ж охота мне
Городской вскричать родне
И родне колхозной:

Марья, Дарья, Митрофан,
Сашенька с Феклушей,
Епифан и Селифан,
Тетя Феня, слушай,

Слушай, дядя Ферапонт:
Шлите валенки на фронт!
Шлите срочно, дружно!
Это — то, что нужно!

НАРОДНЫЙ ОТВЕТ

Да, наш народ породы стойкой:
Свой фронтовой крепя заслон,
Врагу ответил он построшкой
Колхозных танковых колонн.
Колхозным боевым ответом
Ошеломлен фашистский сброд.
Как он сказался в деле в этом —
Весь осиян победным светом —
Наш удивительный народ!

1942 г.

ВСЕНАРОДНЫЙ ПОДВИГ

О Красной Армии заботы
Вся наша Родина полна,
Гиганты-танки, самолеты
Любовно строит ей она,
Чтоб фронт, имея в изобилии
Оружье, мощно вел бои,
Колхозы строят эскадрильи
На сбережения свои.

Порывом движимы свободным,
В соревнованьи округа.
Где стало делом всенародным
Уничтожение врага,
Где против зверя-людоеда
Вся ополчилась страна,
Там — обеспечена победа,
Там — Родина защищена!

1912 г.

БОГАТЫРСКИЙ НАКАЗ

Снявши шапку, в день морозный,
Бородат, седоголов,
Богатырь-силач колхозный
Боевых — на подвиг грозный —
Выпускает соколов:
— Ой вы, соколы родные,
Крепкогрудые, стальные,

Час, минутка дорога!
Вылетайте на работу,
Соколиную охоту,
Бейте, соколы, с налету
Распроклятого врага!
Ни нутра его, ни пуха,
Не щадите ничего,
Чтоб в стране Советской — духа
Не осталось от него!

1942 г.

ПОЙ ГОРДО, РАДИОВОЛНА!

1 января 1943 г.

Переступая все границы
Вранья, немецкие врази
Канье только небылицы
Про фронт колхозный не плели!

Враг просчитался. Фронт колхозный
— Хозяин в собственном дворе! —
Дает ответ могучий, грозный
Фашистской подлой немчуре.

За заявленьем — заявленье:
Спеша исполнить подвиг свой,
И стар, и млад, все населенье
Свой вносит вклад на укрепленье
Советской мощи боевой.

И, от Москвы и до Турксиба
К любому сердцу доходя,
Звучит любовное «Спасибо!»
Отца народов и Вождя.

Под зимним, звездным небосводом
Пой гордо, радиоволна:
— С победоносным новым годом,
Непобедимая страма!

О Г Л А В Л Е Н И Е

Несокрушимая уверенность

<i>Несокрушимая уверенность</i>	3
<i>Я верю в свой народ</i>	4
<i>1942</i>	4
<i>Русские девушки</i>	5
<i>Наше слово</i>	8
<i>Лютый зверь</i>	10
<i>Раз и навсегда!</i>	10
<i>Просчитались!</i>	11
<i>Утро под Москвой</i>	12
<i>Привет победителям</i>	12
<i>Счастливые</i>	13
<i>Народная слава</i>	14
<i>Гордость комсомола</i>	15
<i>Потомственные палачи</i>	15
<i>Помынем, братья, старину!</i>	17
<i>Огонь!</i>	17
<i>На нас История глядит</i>	18
<i>Боевой зарок</i>	19
<i>Вперед — к победам!</i>	20
<i>Не блажь случайная, не мода</i>	21
<i>Семен Номоконов</i>	22
<i>Легенды сложатся о нем!</i>	24
<i>Победа (Народная сказка)</i>	25
<i>Грозное предвестие</i>	26
<i>Неизбежное</i>	26
<i>Слава!</i>	27
<i>Пред миром засверкала</i>	27
<i>Народное мужество</i>	28
<i>Боевой призыв</i>	29

Бандиты

<i>Ряженый бандит</i>	31
<i>Фашистский «красавец»</i>	31
<i>Прилетела ворона издалеча...</i>	32
<i>Гитлеровский «парад»</i>	33
<i>Драй петук!</i>	34
<i>Подарки с «ост-фронта»</i>	35
<i>Счастливый Бенито</i>	37
<i>Ночной «гость»</i>	38
<i>Фашистские «искусствоведы»</i>	39
<i>«Культуртрегеры»</i>	40
<i>«Раса господ»</i>	41
<i>Дневник немца в Камеруне</i>	42

<i>Расписались</i>	43
<i>Врут не от добра</i>	44

Партизаны

<i>Слава партизан</i>	46
<i>Анка-партизанка</i>	46
<i>Украинские партизаны</i> (Отрывок из повести «Степан Завгородний»)	47
<i>Украина 1936 года</i>	54
<i>Партизаны, вперед!</i>	57

Герои

<i>Высокий образец</i>	62
<i>Чем ты фронту помогла?</i>	62
<i>Медсестра</i>	63
<i>Незабываемое</i>	63
<i>Героиня</i>	64
<i>Орленок</i>	64
<i>Русская женщина</i>	65
<i>Победоносной</i>	66

Трудовой фронт

<i>Первомайский привет</i>	67
<i>Залог победы</i>	67
<i>Снайперы труда</i>	69
<i>Ярость</i>	70
<i>Мы не останемся в долгу</i>	70

Колхозный фронт

<i>Военный урожай</i> (Весенняя повесть)	71
<i>Письмо землякам</i>	78
<i>Быть верным клятве!</i>	79
<i>Стремительный поток</i>	80
<i>Заявку делом оправдать!</i>	81
<i>На помощь родине — вперед!</i>	82
<i>Это — то, что нужно!</i>	83
<i>Народный ответ</i>	85
<i>Всенародный подвиг</i>	85
<i>Богатырский наезд</i>	85
<i>Пой гордо, радиопоман!</i>	86

Редактор А. Мясников

Подписано к печати 26/IV 1943 г. А450. 2 $\frac{1}{4}$ п. л.

5 уч.-авт. л. Цена 3 р. 25 к. Зак. № 3060.

Тираж 25 000 экз.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграф-книга». Москва, Валовая, 28.

3 р. 25 к.